

The book cover features a complex, layered composition. At the top, a large, golden, textured eye with a red iris looms over a lush green forest. In the foreground, a hand in a brown sleeve holds a large, curved knife. In the middle ground, two white, stylized figures stand on a dark, shadowed ledge; one holds a trumpet, and the other has a hand to their forehead. A black silhouette of a person is seen falling from the ledge. The overall mood is mysterious and dramatic.

Ира Зима

Гелен Аму

Тайга. Пионерлагерь

Книга первая

Ира Зима

Гелен Аму. Тайга.

Пионерлагерь. Книга первая

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8703605
Гелен Аму. Тайга. Пионерлагерь.: Издать Книгу; 2014*

Аннотация

Это не просто остросюжетный и захватывающий детектив, интересный читателю любого возраста, это настоящее историческое погружение внутрь времени.

Юная героиня, потерявшая всех близких, даже тех, кого не знала при своей жизни наяву, чувствующая связь с погибшими и ушедшими, вступает в смертельное противостояние с убийцей. Она не может обратиться за помощью к друзьям, искренне любящими ее, только она одна сможет найти правду и уничтожить маньяка.

Хрупкая шестнадцатилетняя девушка с длинной косой с каждым новым витком увлекательного сюжета, с каждым обрезанной прядью волос становится все более грозным воином, ломает все стереотипы и все преграды. Она бежит по лезвию бритвы, а читатель пребывает в неослабном напряжении на протяжении всего романа.

Саша ведет настоящую психологическую войну-расследование, жестокую и бескомпромиссную игру со смертью, намеренно подставляет себя под очередной смертельный удар. Ее убивают, но она выбирается из нескончаемых ловушек снова и снова, каждый раз становясь все сильнее изнутри, ломая свои внутренние преграды, идя к той многосоставной цели, достичь которой она должна, чтобы спасти жизни других и отыскать истину.

Еще не ушло время Советского Союза, с его пионерскими лагерями, дефицитом, наивностью или вседозволенностью для власть имущих. Действие происходит в элитном пионерском лагере рядом с закрытым сибирским городом, которых тогда было достаточно много, но о которых мало что было известно даже в то время. Вместе с героями читатель погружается в историю страны, о которой сейчас почти не вспоминают, но от этого события, рассказанные очевидцем во всех деталях, становятся еще более интересными и занимательными. Детские и спортивные лагеря, раскинувшиеся вдоль широкого русла Енисея и Маны, великолепная природа Сибири, знаменитые Красные столбы – место действия. Но кто лишил Сашу семьи и дома тогда, в пятьдесят четвертом? Каким образом таинственные старoverы, несшие службу Белой Матери, с их верой в Гелен Аму, связаны с чекистскими зачистками и урановыми рудниками? Что за связь у маленькой Саши, потерявшей в загадочных обстоятельствах и мать, и деда – с его сестрой, ее копией, и теми невинными юными девушками, которые погибали в течение тридцати лет и не были обнаружены?

«...Я тащу груз, который мне не по плечу и не по размеру, и я даже не стремлюсь избежать этой не своей кары, только хочу успеть исправить как можно больше, но как такое исправить?»

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Заезд	11
Глава 2. Ночной костер	56
Глава 3. Открытие лагеря	98
Глава 4. Зарница	131
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Ира Зима

Гелен Аму. Тайга.

Пионерлагерь.

Книга первая

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Она пряталась за столетней сосной, именно так, пряталась, потому что уж слишком близко слышался голос Алены, и было неловко прислушиваться, неловко здесь быть. Вот зачем она поперлась за ней на «Красную горку»? И так все в их отношениях полетело к черту, так еще сорвать Алене свидание не хватало. Вместо разговора по душам и примирения между двумя лучшими подругами снова случился скандал. Знает же, что тут место свиданий, зачем за ней притащилась? Слушать, пусть и невнятный, но личный разговор ужасно неприятно, и уйти уже не получается, тогда они услышат шуршание веток и рассекретят ее. И что она тогда скажет? Определенно случится новый скандал, а Саша Зарецкая больше всего хотела помириться со своей лучшей подругой, готова была отказаться от всего. Неужели «капитанство» в команде «КВН» стоит того, чтобы потерять Алену навсегда? Не стоит...

И вот ей уже кажется, что разговор за кустами стал явно выходить из мирного русла. Алена нашла причины поскандалить и с тем, с кем встречалась. И кто этот ее тайный парень? Узнать, конечно, охота, но совести подглядывать не хватит, нет и нет! Конфликт все нарастал, и голос Алены уже срывался на визг. Она как-то неестественно громко говорила, а того, кто был с ней, не было слышно вовсе. Так ведь

Алена известная истеричка, с Сашкой вон как публично ссорилась, на весь пионерлагерь ославила! Конечно, Алена и не такое может, вполне вероятно, что не стоит обманываться, и их дружбу уже никогда не вернуть. Что-то изменилось безвозвратно в подруге, как она могла так поступить – толкнуть подругу с обрыва на «Зарнице»? И она не верила себе, даже слышать это свое внутренне эхо не могла и глушила его изо всех сил, но что-то падало и падало внизу живота, рождая отчаянье. Может, Алене нужна помощь? Вообще по жизни и сейчас тоже – вон как она уже шипит и злится...

И в неоправданном обстоятельствами дружеском порыве она пригнулась к земле и почти ползком подтянула себя на горку под кустами, высунулась, увидела недоуменное лицо Алены, обращенное прямо на нее, Сашку – глаза в глаза. Но происходящее было совершенно неестественно как застрявшая пленка. Алена стояла спиной к тридцатиметровому обрыву на фоне располневшей во все небо Луны, и при этом ее руки были распахнуты в области живота, она согнулась, ноги уже не имели опоры, и, абсолютно молча, она ухнула вниз. Шлепок от удара тела разнесся эхом по всей долине. Судорожно откатившись под кусты, Саша зажала сама себе рот и от невыносимости увиденного прокусила ладонь, кровь текла, а она боялась отпустить руку, боялась, что услышит собственный крик. Все, что она увидела – это тень, метнувшуюся перед ней, значит, надо молчать и сидеть тихо. Сколько напилась собственной крови, пока, прижавшись к сосне,

сидела не дыша? Но, набравшись смелости, снова проползла на смотровой язык площадки, открывающей вид на долину Маны – сногшибательный вид, поэтому сюда и бегают на свидания. Подтянувшись к обрыву, посмотрела вниз: в свете Луны четко был виден силуэт Алены.

Алена лежала там, на огромном плоском булыжнике. Как же сильно надо было ее толкнуть, чтобы тело отбросило так далеко? И, не думая, совсем тихо поползла в обратную от лагеря сторону. Вместо того, чтобы звать помощь, она, преодолев обозреваемую со смотровой площадки зону, побежала вниз – спасти Алену. Как спасти? Это уже невозможно! Но бежала. Нельзя оставить подругу там одну, убитую, нужно быть рядом, нельзя ее оставлять так. И спускалась все ниже и ниже кружным путем, и сколько так мчалась непонятно, потерялась во времени и в невыносимости увиденного, но, преодолев последний валун и выйдя под основание горки вдруг ясно поняла, что на скальной плите Алены нет.

Сначала, конечно, появилась версия о собственном помешательстве, и это немало обрадовало, значит, ей все показалось! Алена жива! Значит, все хорошо! И она уже готова была дать себе слово никогда и никому не рассказывать об этом, но камень вдруг блеснул влажным ребром. Камень мокрый? Камень мокрый только там, где была Алена, а все остальные валуны сухие? Тот, кто это сделал, уже был тут и либо скинул Алену в реку, что проблематично, либо просто столкнул в кусты, чтобы как можно дольше не привлекать внимание.

Она спряталась за дерево, прислушалась – тихо, подошла к месту, потрогала влажный валун, ну да, его явно намочили, а соседние камни и листья высокой травы совершенно сухие. Присела на корточки и стала шарить по близлежащим кустам, машинально, не до конца осознавая, что делает. Ползала на карачках вокруг, проверяя в темноте на ощупь местность – света Луны для таких поисков было явно недостаточно. И руки затронули нечто рыхлое. Только сейчас она осознала, какой нестерпимо жуткий «духман» тут стоит, он перекрывает стойкий аромат разбитой о скалы сильным течением рыбы. Проползая поглубже в травяные заросли, присмотрелась, это вовсе не рыжекудрая Алена, это кто-то тонкий, белесо-русый, в теннисной юбке Оли Карауловой, которая пропала несколько дней назад... И тут все же потеряв бдительность, она заорала на всю долину.

Глава 1. Заезд

Тремя неделями ранее...

Жизнь для меня начинается снова только с этого дня, я иду по границе реальности. Предыдущая жизнь закончилась прошлым сезоном в «Тайге», потом были десять месяцев последующего года в тумане и забвенье, и только это возвращение в пионерский лагерь выдергивает из бесполезного сна. Сделать шаг в эту еще не тронутую мною жизнь после тяжелого осточертевшего весеннего ожидания, из календарного лета в лето прогретое – всё это требует особого осознания. Сейчас я его сделаю, этот шаг, и с этого мгновения ничего не получится изменить, все пойдет так, по этой колее, обозначенной этим моим шагом, и ничего потом не исправить – в «Тайгу» я больше не вернусь. Но я вся в «Тайге»: мои мечты, планы, мое сердце, моя развернутая душа. И как все будет, когда эта пионерская жизнь закончится? Кто я, когда не «пионерка»?

Вот и стою на этой границе, не ступив на булыжную городскую площадь, обустроенную «сталинским ампиром», с мелковатым памятником Ленину по центру, засиженном голубями с их всесущими следами, сделавшими черную славу пролетарского вождя белесой, утраченной. Старые трамвайчики треньканьем за спиной усиливают ретроградное впе-

чатление, забрасывая мое сознание куда-нибудь в 1954 год. Те, кто ненавидел Сталина, уже привык дышать свободно. Амнистии объявлены повсеместно. Тот, кто его «иконизировал», понял, что жить можно и без «вождя». Тогда родилась моя мама. Так же валил пух с тополей как снежная метель посреди лета, тренькали трамваи, стояли памятник Ленину и Дом Пионеров, только деда моего уже не было, он так и не увидел свою дочь. Дед пропал в тайге в тот же год, бесследно, безвременно, превратив всю последующую жизнь моей бабушки в серость и пустоту. Сейчас год 1989, моей мамы нет, нет уже нигде, а все остальное здесь – стоит, жарится в первых предутренних лучах, узаконивая вечность в безвременных повседневных процессах, только тополя все выше и их семья все плодovitее.

Хлопковые кучки валяются сверху варевом, заволакивая, притупляя реальность, показывая мне, что все это еще не то, не добралась я до сути и места истины, до сибирской безоглядной тайги. Вот там, где воздух елово-зеленый – все вылупится, станет четким, очерченным, осознанным, все мои чувства пробьются с аскетичной ясностью, и в первые мгновения мне станет от этого больно, колюче, морозно до лихорадки. Всегда так, въезжая в таежные просторы, я чувствую внутренний озноб. И уже через пару-тройку часов как мы минуем город, прилежащие проселки, засеянные поля и заедем в оголтелую, неоправданную, непоправимую могучесть тайги, я встрепенусь как от тока. Помню всем телом, как это

происходит, как меня всегда прошибает насквозь в такие моменты, и как бывалый наркоман я жду прихода измененного состояния сознания, только зависит оно не от химии в теле, а от места, где это тело находится. И такое состояние будет со мной все время, пока я в тайге.

Стою на остановке, все еще в каком-то дурковатом трепете нахожусь от предстоящего, от начала моего последнего в жизни пионерского сезона, подпираю сумку ногами, реально боюсь сделать шаг, и моя зажатость уже не знает предела, мне прямо пинок под зад требуется, чтобы я наконец двинулась. Неужели я такой инфантильной и останусь, и как я тогда выживу «в большом мире», если кроме бабушки у меня никого нет? Получается, что никакие обстоятельства и доводы разума не меняют меня: если я «бревно проглотила», то так и стою столбом! Тополиные ватки залепились мне на губы, сворачиваю их вместе с розовой помадой долой, а мне так хотелось казаться старше себя самой, красивее. Шестнадцать исполнилось, а я все равно младше всех в нашем отряде, друзья меня переросли на пару лет, и не догнать мне их никак. Вот челку Наташка мне срезала накануне: выправила ножницами из длинноверевочной косы несколько белесых, выцветающих солнцем прядей, они теперь вместе с пухом лезут мне в рот, запархиваются ветром, а я отплеываюсь. Джинсы-левайсы тоже Наташка мне организовала и за советские деньги, а не за барахолочные пенсиононерподъ-

емные, она возможностями своего местожительства для такого дела воспользовалась, чтобы мне помочь из пионерки превратится в девицу, способную наконец-то крутить романы. Да, вот так, «учитанные тихушницы», одной из которых я официально являюсь, тоже хотят целоваться по ночам, а не выполнять пионерские задания. В этом сезоне я намерена быть очень безответственной и сильно влюбленной! Поэтому я и боюсь сделать неправильный шаг, не с той ноги. А как понять, какая нога правильная, чтобы я могла провести весь сезон с парнем, а не с художественной кистью в руках?

Наташка Ким – моя лучшая подруга, она постоянно живет в тайге на закрытой режимной, строго секретной территории города-предприятия «Десятка», у таких городов обычно нет названий, а только порядковые номера, не иначе – по причине особой секретности. Значит ли это, что таких объектов по стране не меньше десяти? Не знаю, логикой «гэбистов» и партийных начальников не владею, но в этом макетно-плакатном городке есть все, все мыслимые и немыслимые блага для света советской науки и инженерии, то есть в глухой непроглядной тущобе отстроили этакий мини раёк. Так, видимо, и было задумано, чтобы держались сотрудники на своих местах вдали от столиц сами и исключительно добровольно, со стойким чувством, что урвали «куш» у судьбы. Вот такие не советские человеческие условия в этой «Десятке» созданы, немыслимые для обычного гражданина советской страны, «левайсы» и «адики» там продаются про-

сто так в магазине, как килька в томатном соусе, за обычные, а не «десятизарплатные» рубли, которые мне пришлось бы выложить на городской барахолке. Но денег, понятно, у нас с бабушкой никогда нет, так что если бы не Наташка, осталась бы я без крутых штанов, а, значит, «по определению» и без парня. Со стремными в наше время не водится никто. Собственно заведению «Десятка» и принадлежит спортивно-пансионатный комплекс «Тайга», это филиал рая, где все уже не так кондово строго как в закрытом городке, в лагере позволительны мелкие грешки и существуют послабления, короче, дико престижное заведение получилось.

Стою все еще на трамвайной остановке, вся такая ни фига не взрослая, несмотря на новую челку и приличные штаны, высматриваю «своих» через площадь, сквозь суетню предотъездную: кого из наших уже принесло, как лучше мне настроиться. Придется ли отбиваться от общественного сарказма или сгорать от тяжелой тоски невнимания? С одной стороны отлично, что я всех в нашем отряде по десять лет знаю, у меня есть настоящие друзья, а с другой – ничего хорошего, отделаться от прилипшей роли «тихушницы-общественницы» не удастся никак! Пару лет как активно с этим борюсь, но, возможно, никакие крутые штаны меня не спасут, наоборот, легко могу нарваться на мелкое злодейство и издевки, а была бы я «новенькая», так приняли бы как видят, без этих прошлогодних мнений-шлейфов. Знаю точно, что я изменилась, но смена общественного восприятия, скорее

всего, мне «не грозит», а так бы хотелось напоследок иначе проявить себя, быть другой; мне очень это нужно и так страшно – вдруг сходу вступлю не в «колею», а в «лужу»? Вдруг меня сразу осмеют, и я останусь одна, без поддержки? Пообниматься сегодня мне не с кем и поддерживать меня некому, все мои близкие друзья из «Десятки». Городок под боком у лагеря стоит, каких-то часа два дороги, так что все они давно на месте, а основной караван из города прибудет лишь в ночь, несмотря на то, что сейчас раннее утро.

Понятно, что автотрассы в тайге нет, есть только узкоколейная бетонка по круто выложенным холмам Саянского предгорья, и махнуть каравану автобусов предстоит до самого живописного местоположения Маны, полноводного рукава Енисея. Там река совершает перекрученный сумасбродный поворот, выворачивающий в этом месте все нутро реки наружу. Бурлящим подложным потоком Мана выплевывает все свое дно и бьет рыбу до смерти. Нестерпимый душок тухлятины, впрочем такой привычный для старожилов, время от времени доносится до самого лагеря. Тут же гранитным мысом вылупляется тридцатиметровая «Красная горка», верхоподъемное завершение нашего лагеря, расположившегося с другой, пологохолмистой стороны горы. Красотища! Но ничего милого в этой красоте нет, наоборот, она потрясает своей глобальностью своих устоев и законов, и человек чувствует себя здесь мелочью, мухой-однодневкой рядом с тысячелетними соснами и скальными столбами – мил-

лионниками, что появились тут пораньше динозавров. Не знаю, как другие относятся к такому соседству, а меня сильно впечатляет такое вневременное соприкосновение с миром. Что видели эти скалы, что они знают? Знают ли они меня, была ли я здесь раньше? Кто я – они знают?

Лагерь наш построен с пологой стороны исполинского холма, завершающегося небезызвестной скалой, и окружен обжитыми, курортного вида террасами, которые спускаются в сосновую долину, показываясь наблюдателю какой-то отчаянной открытостью с любой своей точки. Жемчужно-белые постройки пансионного типа стоят ровными рядами от отряда к отряду, а культурно-развлекательные центры выглядят как восточные шатры, не изменяющие белому цвету. Территория между зданиями занята обустроенными площадями и верандами разного назначения, это: «амфитеатр», «торжественный пост» с флагами всех республик СССР, спортивное поле и огромный бассейн. Насквозь лагерь простирается белесая широкая аллея в садовых елках и алебастровых пионерах с комсомольцами и ведет от центральных ворот на самый верх до радиорубки с башенкой и часами. Запечатлены скульптурные герои аллеи со всеми положенными им атрибутами и символами: горнами, барабанами, флагами, серпы-молоты в руках и торжественно безапелляционные позы уверенных в единственной картине мира людей. Для таких существует одна правда, одна сторона мира и его событий, только буквальная суть вещей, осязаемая, видимая, и их не

смущает, что ни на один жизнеполагающий вопрос ответа нет. Ну, например: почему весь мир ищет бога? А вот пионеры, те, что с красным галстуком на шее, который часть знамени будущего коммунизма, его не ищут, они таежные динозавры-мастодонты, зачем им бог!?

Даже завидно бывает смотреть на эти упертые советские лица в камне, когда у меня внутри безмерный безусловный океан возможностей и значений, где есть все и возможно все! И мне всегда нужна эта остро отточенная готовность – встретить мою личную правду, несовместимую с внешним миром с его догмами, определенностями, напуганностями всем неизвестным и немислимым. Думаю, в средние века таких «странных» и жгли на кострах, жгли снова и снова, а они рождались и рождались, и смотрели на мир своими странными глазами. Неблагоприятный был мир, узколобый, не понимал, что уничтожает жизнь, которой сам живет. И я опасюсь, что настанет день, когда жить станет нечем: невинность использована, убита неоплаканной и распадается как мусор в ногах, а истина тонет в преступлениях, ею прикрывающихся. И как тогда спасти этот мир? Заслуживает ли он спасения? Скорее всего, и сегодня я вполне гожусь в кандидаты на изгнание и истребление, если не физическое, то личностное точно. Вдруг я взболтну неприемлемое, перестану все в себе сдерживать и выдам себя? Что меня ждет? Лоботомия? Вот только тайга меня и принимает, стихия в нас одна... Так что моя зависть к скульптурным пионерам очевидна: букваль-

ность восприятия, зафиксированность в каких-то идеях при-
тупляют внутреннее восприятие другой стороны мира, и то-
гда получается жить нормальной, принимаемой обществом
жизнью, на переднем внешнем крае сознания. У всех так по-
лучается, но не у меня.

И я хочу так жить – коротким внешним умом, хочу, чтобы
в этом сезоне все у меня было и как положено! Хочу мно-
го-много подростковой крутовертящейся событиями шелу-
хи с парнями и их беспечным вниманием – это обязательно,
с моим зачислением в команду «Фестиваля», это тоже
обязательно, ну и все традиционные пионерские штуки по
списку нужны мне позарез! Хочу всего и на полную, чтоб
устать и передознуться, а не ностальгировать еще год по не
случившемуся, хочу, чтобы мне всего хватило «под завязку»,
а потом я быстренько окончу школу, и начнется «с ума-сой-
ти-какая» студенческая жизнь. Все! Это все, что мне нуж-
но! Пора стать ветреной, жадной до сиюминутной жизни, до
всех ее самых бестолковых проявлений и звенеть от впечат-
лений, как шкаф с хрусталем от счастья, что его задели и да-
ли, наконец, позвенеть, дали услышать собственный голос.
Мне так нужно выжить в этот раз...

Но скоро все закончится, и как я буду без тайги, без этой
метафизической погруженности в чрево жизни, где меня
что-то бьет, как колокол изнутри – наружу, заставляя игно-
рировать очевидную реальность? Не знаю... может, хорошо?

Отправлюсь в большой мир... Тайга ведь для этого меня вырастила, сделала собой, и я такая вот, с ее нутром проросту где-то там далеко, пушу ее корни, ее породу, ведь внутри меня совсем другая жизнь. И все это так меня достало! Достало! Но если я самовольно отключаюсь от потустороннего состояния, то в обморок падаю по-настоящему, с синяками и капельницами, сколько раз пробовала отрезать от себя это дырявое безмерное сознание и столько же раз валилась без памяти... Не могу я самовольно отключить эту «таежную пуповину». Придется ждать, пока само все отсохнет? Может, это у меня астма какая-нибудь? Ну, от того, что дышишь металлизированным воздухом промышленного мегаполиса с рождения, грудь постоянно стягивает бетоном, может, от этого и мозги испортились? Может, эта таблица химических элементов, что вдыхается каждым жителем ежесекундно, и есть ответ на мой вопрос? Может, так... Скорее всего так и есть, это ответ, но мне от него вообще никакого толку! Внутри по-прежнему колышется «безмерное», и где там моя личность? И только колокольное эхо отражается мыслями, не имеющих в этом мире ни места, ни ответа. Кто я?

Больше торчать на остановке как дуре реально тупо, караван скоро двинется, а я тут все стою и стою... Пора! Стремглав и вприпрыжку, уже без вялой рефлексии и надуманных страхов, добралась до хвоста желтопузой змеи из «Икарусов», и сразу нырнула в наш еще пустой автобус бросить

сумку, чем напугала водителя так, что он перекрестился. Советский человек, между прочим! Но с перепугу все крестятся, а не честь отдают – природу не обманешь! Выглядываю с подножки автобуса, ага, все «городские» из постоянного состава нашего отряда уже тут: Ленки-Пенки, Бабочки-Горелки, Мухи-Толики и еще человек под тридцать. Но этого мало, заведение «Тайга» столь престижное, что «путевки» к нам продают «из-под полы» и выигрывают на школьных конкурсах. Смотрю, «новеньких» десять-двенадцать наберется, нелепо озираясь к родителям, они явно выказывают тревогу. Отправление на носу, а путевки у них никто так и не принял? И стол наш пуст, только табличка «Первый отряд» светится на белой картонке. Осматриваясь по верхам, ищу глазами Егора, нашего бессменного «вожатого» все десять сезонов, что мы приезжаем в «Тайгу». Егор по совместительству еще и большой пионерлагерный начальник и поэтому носится с мегафоном туда-сюда по площади весь в «мысле» и толпе вопрошающих, ему точно не до нас, а второго «вожатого» отчего-то все еще нет. Нет «вожатого» у нас вообще, потому что пол отряда должны бы работать сами, по восемнадцать многим стукнуло, или «он-она» куда-то задевались в толкотне, уже не важно. Я спешно соскочила с подножки и заняла «пост». И тут же мне в нос полезли книжицы-путевки, не глядя в лица я начала быстро заполнять список на отправление, а какая-то тетя, такие всегда откуда-то берутся, решила меня пристыдить:

– Вы тут, что себе думаете, девушка? Где вы шляетесь-то? Мы тут стоим и стоим! И сколько вам лет вообще? Как вам доверять ребенка, если вы так относитесь к своим прямым обязанностям?

Я подняла голову и взглянула на ребенка: парень метр восемьдесят с ярко выраженной щетиной.

– Мои прямые обязанности – стоять и тупить с друзьями, лет мне шестнадцать, и я не претендую на такое доверие. Егор Константинович Сотников, действующий директор лагеря по «методической» части и по «безопасности» в придачу, еще и «вожатый первого отряда», он вон там, исполняет свои прямые безграничные обязанности. Безопасность тут всех дико интересуется, а у него есть табельное оружие и он показывает нервным родителям, что ему «точно есть чем от медведей отстреливаться», потом еще доказывает, что и полномочия такие имеются, вверенные ему Центральным УВД по должности «старшего оперуполномоченного». Вот в его «погонах» я путаюсь, звание не скажу, вдруг его уже повысили. Если вы готовы проявить гражданскую позицию и помочь нашему доблестному персоналу, то замените нашего товарища на его посту, передав другим товарищам вышеизложенную информацию, вот тогда Егор Константинович всех тут же бросит и займется переписыванием...

Все это время я продолжала заполнять списки, итог – тридцать девять человек, ни фиги себе «отряд переростков»! Но чем больше пионеров в отряде, тем больше свободных

парней, уйма шансов на свидание у «нецелованой» и проблем с многозадачностью у меня явно не будет.

– Хамка, – ответила тетя, а сын извинился жестами за ее спиной.

– Спасибо, – ответила я парню вслух.

И тут я увидела того, кого ожидала встретить только завтра уже в лагере – Ванька! Нашей разлуке всего неделя, но, конечно, я успела соскучиться, он как пароход среди баркасиков высился над всеми подростками и их родителями. Не так уж он долговяз, а плечи скручивает всю дорогу, словно извиняясь, что так неприлично хорош собой. Толпа самопроизвольно расступается, особенно девицы, и все пялятся на него как на явление. Пергидрольная тетя тоже уставилась, задрал подбородок и обнаружив под ним шею, и тоже расступилась со всей своей непривычностью уступать кому-то хоть что-то. Ванька, еще не минуя столик, уже прибрал меня в свое дружественное поле длинными руками, прокрутился через препятствие и приспустился ко мне сверху вниз, а тетя икнула:

– Да что тут у вас творится такое! Это что за безобразия! – она тряханула пухлым кулачком перед моим, а не Ванькиным носом.

– Не видите, это сеструха моя! Ну, мы «близнецы» и не виноваты – судьба такая, нам необходим телесный контакт, только она у меня мелкая, ест плохо... – ответил ей Ванька,

а тетя присмотрелась к нам внимательно.

– Ну, тогда ладно, – она вдруг смирилась и отвернулась, сын густо покраснел, я же этому сыну показала жестом, где она у всех застряла, а он мне солидарно кивнул в ответ. И это не кокетство, я не умею какие-то «завратые» вещи из себя специально вытаскивать, это просто поддержка – никто парня по его предкам судить не собирается, это же предки!

– Вань, снеси путевки-списки на главный «пост», а то никак не отправимся, – сунула Ваньке папку, и он уплыл по расступающимся водам толпы, меня-то сразу бы затоптали.

Конечно мы с Ванькой никакие не «близнецы» и даже не родственники! По духу, возможно, но не по крови, он даже не мой парень, то есть категорически не парень он мне, поэтому мы и называемся «близнецами», так нам действительно проще представить окружающим наше отношение друг к другу, а внешняя «похожесть» если и есть, то лишь в некоторой общей высветленности, не более того. Ванька Ветров где-то «у бога за пазухой» раздобыл эллинское лицо в белокурых тенях, кудри он нещадно срезает, явно чураясь этого «девчачьего», по его убеждению, достоинства, но они с непоколебимостью отрастают вновь, мол, «не уничтожить тебе, парень, столь милый эльфообразный лик». Ванька бесится и хорошеет, подростковость его совсем не задела нелепостью и прыщами. Растет как на дрожжах, словно действительно, в конце концов, собирается своим торсом «подпирать небо».

И при этом он отвратительно умен, в МГУ его лично пригласили как победителя юношеских математических олимпиад, видимо так детский аутизм на его мозгах сказался. Вот бы и мне такой эффект откопать в моих внутренних вывертах, но мне никакой выгоды от моей «чудинки» не досталось. Ванька наоборот не ценит «дары» вовсе, на публику каламбурит и дурит, выставляет себя чаще не вполне удачно и бывает болтлив как назойливая муха, чем, видимо, и зализывает раны своего безобразного совершенства. Ванька – мой лучший друг.

Егор объявился, схватил бумажки, попутно чмокнул меня в лоб, ну, я ему, типа, племянницы. Зоя, моя бабушка, трепетно дружит с его мамой Аней. Егор Константинович тут же что-то проорал в «мегафон», вблизи не разобрать этого бульканья, и снова обернулся ко мне:

– Все что ли? Можно ехать? Дурдом. Я в полном охрениии! Нет, это все, последний год так скачу, теперь только «черноморские курорты», – он понял, что «списки» отряда на отправление уже готовы, выдохнул.

– Что, в «Артек» подашься, к конкурентам? – спросила его Горелка, то есть Таня Горелова. Девки «новые» и те, что «старые», из постоянного состава отряда, тут же облепили стол. Такая уж у Егора харизма, невыносимая для дам любого возраста, сословия и положения, хотя сам он совершенно не мил.

Егор Сотников скорее груб и хамоват своей непоказушной брутальностью и полным нежеланием производить впечатление, что действует с прямо противоположным эффектом. Толпа уже залипла вокруг стола, а пока я тут торчала, никто к этому «пятаку» так и не обернулся, кроме записывающихся в отряд новеньких. В этом году многие наши парни догнали Егора в росте и даже переросли, что не сделало его визуально ниже, он такой весь заметный, мускулисто-эластичный, движения все скупые и сам немногословен. Ну и джинсы на нем круто сидят. Это же важно для девушек? Для Егора нормально выдавать информацию междометиями, ключевыми словами, полужестами, но это скорее профессиональный отпечаток и никак не признак косноязычия. Именно Егор рассказывает пасторальные истории на пионерских кострах в литературном стиле, традиционном для радиопостановок, и голос у него такой же глубокий, убаюкивающий, как у дикторов. Но чтобы таким узнать Егора нужен особый случай, в основном он резок и уклончив в общении, типичный одиночка и даже бука. И только некоторые его жесты выдают порой, каким он был в юности – эмоциональным и порывистым, когда он, как сейчас из-за этой нервной суеты, выправляет «шатенистый» чуб резким движением кисти – так и не дашь парню его тридцать. Но чаще он смотрит на мир молча, спокойно, без суеты и лишних движений. Острые подвижные желваки на скулах погрубевшего лица и «вечно-руки-в-карманах» выдают внутреннюю жесткость и сосредоточенность

на чем-то, посторонним недоступном. И чего они все тут вокруг него толпятся?

Егор вновь помчался куда-то, и скученность у стола резко рассосалась, а за этой кучей-малой я сразу и не увидела уже в объятиях Бабочки, то есть Ленки Пантелеевой того самого, кто косвенно является еще одной упорной причиной, почему мне так нестерпимо надо в эту «Тайгу». Да вот так! И себе я честно признаюсь – этот парень моя запредельная мечта, мой сон, стоит только закрыть глаза. Рома Валевский не только объективно «звездный персонаж», музыкант, вокалист и все такое, так еще и главный «мажор» не только лагеря, но и всех близлежащих весей. Дед его Меркулов – супербосс «Десятки», нашей «Тайги» и еще тех двадцати «нижних» лагерей на Енисее, что построены от мегаполисов Сибири, Камчатки, Дальнего Востока и Крайнего Севера. В тех краях – «вечная мерзлота», так что наш местный, резко континентальный климат с тридцатиградусным летом в два месяца – вполне себе курорт.

Да, вот так, угораздило меня крепко втрескаться в самого заоблачного парня аж в восемь лет, а он мне не «по зубам», не «по ногам», не «по карману» и вообще «ни о чем», он даже со мной не разговаривает никогда! Но мечта, там внутри, не предъявляет к нам таких жестких материальных требований, мечтается себе сама и позволения на то не спрашивает. Впадешь в дремоту, а он уже там, в кишках и на всех внутренних горизонтах тебя поджидает со всем своим нут-

ром, все к твоим ногам выкладывает, все свои прорывы, всего себя и весь мир в придачу – и все у меня так. Заученная я, не целованная девочка, все мои мечты такие – пространственные, максималистские и непутевые. Ромка Валевский не смазлив, а то я смогла бы отворотиться от него быстро, не нравятся мне «сладкие» самообращенные красавцы, нет, с ним все намного хуже, он такой пацан-пацан, как хулиган «с дворов», только одет несколько почище, ну и кроссы у него крутые, предмет моей вечной зависти. И никакой тебе мажорной вывернутости; выражение на лице не высокомерное, слегка отстраненное, словно он всегда немножко «не здесь», а там, откуда вытаскивает свою музыку; и временами он вообще ни черта вокруг не замечает. Талантище, как ни крути! Но ему не приходится повседневно выбираться из «отстоя», безвестности и нулевости своего положения – в этом видимом мире он виден всем с самого рождения! И ни о чем парень не парится, у него все есть, было и будет, ему бороться ни за «кроссы», ни за девиц вообще «не светит», да и за все остальное тоже, само в руки идет, не иначе. Это основательно его раскрепостило, он никому ничего не доказывает, гениально безалаберен и беспечен, а «если что» у него всегда есть Ванька где-то под боком, его лучший друг с горшкового возраста. Между прочим, это тот самый Ванька, который и мой друг, но при этом мы с Валевским умудряемся никогда не общаться, не пересекаться и не занимать одно пространство, как две параллельные несовместимости.

Но по поводу Ромки Валевского я не напрягаюсь, приды-хаю – да, и ни на что не рассчитываю при этом, а то застряну на «нем», и жизнь пройдет мимо, не только летний сезон. Бабочке, Ленке Пантелеевой, нашей «стопудовой» отрядной красотке, он нервы с первого класса крутит как попало, а подружки у него все мигрируют и меняются, и не учтешь всех, не запомнишь. Вот я и не учитываю! Вот еще! Был бы он какой-нибудь «кумир из телика», то повесила бы его фотку на стену без комплексов. Ну, положено подростку иметь такую кумирообразную привязанность, вот я ее и имею, так и зову его про себя «Плакатный». Мне же нужен нормальный какой-нибудь, живой парень, без неземных метаний, у меня вон своих навалом, могу подкинуть кому с лихвой, а уж с покорителем выхоленных красавиц я вообще не знаю, как себя вести. На подмостках его диджейского пульта среди толпы «приспешниц» я точно не удержусь, и искусством намазываться на парня телом в публичном месте вряд ли когда овладею. Так что он просто есть, и все – этого достаточно.

Валевский стоит у автобуса и весь в Бабочке, обложен ею со всех сторон, в какой-то майке закидонистой с цифрами и надписями, в как попало поднятых на зад штанах, кепке набекрень с вываливающимися русыми вихрами... Повернулся вдруг и смотрит прямо на меня, не-ет, это я уставилась на него! Ду-ура!

Резко, в стыдном порыве развернулась от Валевского и Викуше в грудь с разгону угодила, то есть Виктории Павлов-

не Горленко, нашей директрисе попала прямо в крепкие лапы. Она же, не прекращая своего движения вдоль каравана автобусов, прихватила и меня, идет и подволакивает за собой, не сбавляя упорного шага. Женщина она не шибко высокая и не крупная вовсе, но такая тугая, основательная в действиях и во всей своей красе, холеная, в ладном костюме, на каблучищах, рубящих плитку под ногами, волосы гладкие, губы вишневые. Королева! Но мы зовем ее Викуша, и она знает об этом, постоянно у всех непроизвольно выпархивается, и, видимо, ей это как-то льстит, такая мягкость в имени, но на деле то чистый сарказм, она ж «танкер», а не баба. Скандальная тетя встрепенулась на фоне Викуши, тут и проявился весь ее привокзальный вкусовой стандарт, она как буфетчица деревенской станции в своем пергидроле, выстроенном парикмахерским разумом в башню на голове, в чем-то масляно-кричащем, хотя, клянусь, от нее так и несет деньгами, связями и влияниями на простых смертных. Но до Викушиных горизонтов она явно «не долетит», вот и стоит, разинув рот, идеи ее пропечатывающего образа поспешно слизывает.

Тетя осталась позади в пыли королевских стоп, а меня все волокут и подволакивают сильные цепкие пальцы в красных резцах. Это Викуша меня тащит до «малышового» отряда, — запоздало поняла я, обреченно, прямо скажем. Ну вот, всегда так, наши будут общаться, знакомиться с новенькими, а я опять все пропущу, и ни парней тебе, ни свиданок на все ле-

то, потому что все уже повлюблялись и свои сердечные интересы повыстраивали еще по дороге! И знаю я, о чем говорю, в том году со мной так все и было. Потом просидела весь сезон с тушью художественной в руках, все плакаты рисовала да другой фоновой деятельностью занималась, а за руку меня никто так и «не держал», «не тискал» и «не обнимал», и Ванька Ветров не считается! Ну что это такое! Но возражать «королеве» у меня не хватит ни сил, ни наглости, да и недальновидно это, а то она вообще испоганит мне весь сезон, ей ничего не стоит.

– Зарецкая, едешь с этими «малышовыми» до самого лагеря, вожатые, практикантки из «педагогического», уже схлопнулись, а лишних людей у меня нет, сама понимаешь, так что вот... Давай, грузи это ревущее «стадо», а то мы отъехать из-за них никак не можем, кошмар какой-то, – Викуша сбросила меня у «двенадцатого» отряда и ушла.

И, действительно, другие отряды уже погрузились в автобусы и светились ожиданием сквозь лупоглазые окна, но так легко никогда не случается с «малышовым двенадцатым» отрядом. Дети настолько малы, что родители как бы все еще не решились, а стоит ли их отправлять навстречу таким опасностям и в такую даль, куда не сорвешься и не прибежишь спасать свое чадо. Этот комплекс к моменту отправления становится стадным, разлепить рыдающие кучки девчонки-вожатые уже никак не могут, очаги вспыхивают то тут, то там, а

будущие советские преподы вообще потеряли контроль над ситуацией, на их лицах выразилось полное отсутствие признаков борьбы. И что тут делать мне? Секунду собираюсь с духом... После гибели мамы у меня сформировался хронический спазм в теле при любой публичности, я дико зажатая, внешне вообще никак не выражаюсь и не самоопределяюсь, поэтому меня и в команду «Фестиваля» столько лет не берут. Так что мне нужно себя как-то основательно убедить открыть рот и привлечь внимание темного хаосного сгустка, а караван все стоит, и помощи в прогнозах никакой не предвидится. Ну почему я! Руки вспотели... то, что я такая ответственная и мной можно затыкать организационные дыры, еще не значит, что я без мегафона смогу орать тут на всю площадь! Но я заорала:

– Товарищи родители! Внимание! Прошу вас взять багаж вашего ребенка и передать его к задней двери автобуса! «Караван» отправляется! «Октябрюта-орлята»! Постройтесь все у передней двери! «Мокрых лягушат» в нашем отряде больше нет! Девушки вожатые, примите группу по списку и посадите детей в автобус!

И ни один малыш не захотел остаться «мокрым лягушонком»! Все вдруг ладно зашевелилось, и темное кучковатое пятно стало само себя выстраивать во что-то действующее, а я не сбавляла темпа, не дала проявившейся логике расхолаживаться:

– Дорогие родители! Приглашаем вас в «Тайгу» на «День

Открытых дверей»! Ровно через две недели с этой площади стартует такой же «караван автобусов» специально для вас! До этого момента, если вы захотите проведать детей, лучший маршрут – добраться на «Ракете» до «нижнего комплекса» лагерей на Енисее, там вы сможете найти хозяйственный транспорт до нашего лагеря. И никому еще не отказывали! Добираться личным транспортом категорически опасно для вас и транспорта, – в толпе родителей слышался живой смехок, они внимательно меня слушали.

– На станции, что в поселке «Усть-Мана» вы вряд ли найдете попутку, это тупик, и только наш лагерьный вездеход-хлебовозка туда добирается за свежими продуктами и хлебом, но приезжает он к станции исключительно глубокой ночью. Но можно и так, если хотите!

Родители почему-то стали хихикать, наверно это кажется им романтичным – кататься на вездеходе по ночам.

– Прошу вас посмотреть на «Дом пионеров» – весь его педсостав уже ждет ваших детей на месте! Количество кружков, секций и коллективных занятий в «Тайге» превышает возможности любого города! Каждый день в нашем лагере – это «массовое тематическое мероприятие», скучать детям будет просто некогда! И я знаю, что говорю – я в «Тайге» каждый год с шести лет, ваши дети еще не захотят возвращаться обратно...

На этой опт имистичной ноте я забралась в укомплектованный автобус, и водитель, спешно закрыв за мной двери,

протрубил гудок отправления. Малыши еще немного пома- хали своим взрослым через окна, но, уже весело болтая и шумно придуриваясь с новыми друзьями, вожатые начали раздавать детям «сухой завтрак», а у меня есть время отды- шаться...

Вообще-то сейчас я себе кишки вывернула, внутри все клокочет, как Мана под «Красной горкой», все встало в гор- ле сухой пеной... Когда я узнала, что мамы не стало, мне бы- ло девять, узнала, что мама никогда не вернется из Кракова, там она сопровождала первый сезон «Фестиваля», тогда и случился этот удушливый спазм, он жгутом перекрутил мне горло. Одно время я вообще молчала, но постепенно начала выходить из себя наружу, шаг за шагом, но до «публичных» выступлений я так и не добралась... И вот этот последний «блок» сорван! И если бы не бутылка «Буратино», которую вовремя подкинула вожатая Настя, меня бы точно вырвало! Публично!

Из-за этой своей тупиковой проблемы я долго не могла сделать необходимое – попасть в команду нашего лагеря, мол, если я «не могу работать на сцене», то и места мне «в команде» нет! И вот весь год я ходила на «танцы» и высту- пала на всех городских праздниках, тренировалась быть «на виду», но никогда одна и всегда молча, все ради того, чтобы пройти этот «барьер». Собственно на этот сезон у меня аб- солютно четкие планы: и не просто попасть «в команду», мне надо выиграть этот чертов «Фестиваль» и получить межа-

герный «Кубок»! Каким-то чудом, но надо! Потому что моя мама так и осталась там, в Кракове! Тело ее после «нулевого» расследования так и не выдали нам, не перевезли, а захоронили в далекой стране. Что они скрывают? Почему все так? Почему???? Мне нужно к маме... Иначе как я к ней попаду? Не такие у нас порядки, чтобы советский человек шагнул по заграницам туда-сюда, если только он не «дипломат», а путевки «заграничные» ни за какие деньги не достать, тем более у нас с бабушкой никаких денег нету. Мне нужен этот «Кубок»! И я его достану! И буду орать хоть на каких «площадях», если надо! И вообще, моя мать все это придумала, этот «Фестиваль», так что мне его и выигрывать! Это мой последний шанс попасть к ней...

Караван постепенно выбирался из города, и сизая дымка металлизированного городского воздуха становилась все тоньше и тоньше. Какое то время мы еще проехали по нормальной асфальтированной дороге, но все это быстро кончилось, и начались предвестники тайги, еще перемежаемые поселениями и проселками, колхозами и их исписанными техникой полями. Но вскоре дорога резко вторгается в лес и дальше, в полную непроходимость, эта дорога-бетонка, поросшая рядом всяким таежным нутром, осталась еще со времен «ссылных» лагерей, от тех, кто строил в начале пятидесятых «урановый прииск», на месте которого и проросла «Десятка». Другого пути к нашему лагерю нет.

Вот тут и происходит во мне это характерное смещение

сознания, словно передергивается железнодорожная стрелка, и видимое незримо меняется вместе с попадающим в легкие запредельным, насыщенно-густым, тягучим воздухом. Все окружающее я теперь вижу через тончайшую зеленую призму... Или, наоборот, зеленое облако как эфир алхимиков укутывает своим присутствием здесь все, и не «призма» это на моих глазах, а «действительность» вдруг обнаруженная, только и стоило снять очки привычного восприятия. «Присутствие иного» ощущается телесно, оно уравнивает все между «внешним» и «внутренним», и качество это настолько сильно проживается в первые мгновения, что, пробитая этим чувством, я замираю на границе противопоставленных пространств, так неизбежно стремящихся друг к другу. И здесь, в тайге это слияние случается и случается постоянно, вне временно, вечно, вся эта сила течет сейчас через меня...

* * *

Мы едем через тайгу уже несколько часов. Накануне, пока малыши еще не засопели на своих местах от бурно ворвавшегося в них воздуха, я провела «процедуру опознания», это когда ребенок выдает не только свое официальное имя, но и то, которое он придумал себе сам. Таким нехитрым образом я переписала весь малышейый отряд лично, надо умудриться запомнить всех, чтобы потом понять, кого конкретно искать

по кустам во время стоянки. После многочасового сидения дети разбегутся во все стороны по лесу, как только автобус остановится. Мероприятие «выдачи имен» веселое и важное для будущих отношений в коллективе, его хватило на пару часов дороги, стало понятно, кто есть кто, кто кем является, а кто только хочет быть, многих детей я запомнила лично, а то и подружилась с некоторыми.

В нашем «первом» отряде почти у каждого есть особое имя, знаковое, в такую игру мы не играли, но клички сами собой прилипают. Меня сто лет зовут Малая, потому что я всегда всех младше. Бабочку, то есть Ленку Пантелееву так обозвали за огромные глаза, которые как на крыльях у «махаона», и кличка прижилось намертво. Горелка, это другая наша первая красавица, Таня Горелова, она ко всем сама стала приставать и требовать, чтобы звали ее только Звездой (Ленку же обозвали Бабочкой!). Но Звезды из нее не вышло, а Горелка получилась запросто. В их кампании есть еще одна Ленка, Плетнева, которую и вовсе кличут Пенкой, а все потому, что она редкая подхалимка, ну и к девкам навязалась неправомочно, не тянет она на стопроцентную красотку, а в списках «красоток» все же числится. И в сумме из них получилось «Ленки-Пенки-Бабочки-Горелки» – во множественном числе. Там, где они появляются, так все собой заполняют и внимание на себя оттягивают, словно их не трое, а целый гарем девиц. Еще у нас есть Сашка Муха, мой тетка, меня Александра зовут. Он такой крупнокалиберный цинич-

ный гигант, метящий в хирурги и профессионально, и лично, рубит правду «с плеча на раз», только это у него не кличка, а настоящая фамилия по паспорту, случаются же в природе такие совпадения-перевертыши!

Ну а самый знаковый позывной у моей подружки Наташки Ким, она по отцу, между прочим «боссу» из «Десятки», настоящая корейка, но прозвали ее Японка. Выглядит она как настоящая азиатская красавица, но характерец слишком резкий, бескомпромиссный, «харакири» за торжество мировой справедливости кому угодно свершит, уж очень она отзвучивая девочка! У нас тоже три подружки на комнату, как и этих «погорелок». Те – манерные и выставяющиеся, а мы чересчур «такие как есть», каждая в своей сути, и Алена Савицкая – в нашей кампании, совсем не третья. «Первая» она не столько меж нами, а вообще везде – Алена вот уже третий год подряд капитан команды лагеря, а «Фестиваль» главное событие всего сезона и для боссов, и для детей, и для персонала, и для всех номенклатурных гостей. Так что как ни выставяйся, а она и «Звезда», и «Первая», и «Красавица» тоже она: абсолютно рыжие длинные волосы в стружку, ножищи с острыми коленками, молочная, без единой веснушки кожа и запредельный размер груди. Бомба! Ну и темперамент такой же огненный, вообще никуда не укладывается, ни в какие допустимости, у нее все через край! Мы с Наташкой к Аленке привыкли как «мышь к горе», но в отряде ее взрывоопасности все откровенно боятся и не ввязываются с ней

ни в какие конфликты давно. Но она все равно конфликту-ет, взрывается и страдает – настоящий драматический пер-сонаж! Наташка и Алена мои подружки уже вечность, дру-гих у меня нет, я по ним всю зиму скучаю и жду, когда они из своей «Десятки» ко мне в гости приедут, а к ним никак не попасть, живут в недоступном раю за колючей проволокой, но уже в ночь, сегодня я их увижу!

В автобусе после всех этих детсадовских мероприятий я притулилась на креслице экскурсовода – дико неудобное ме-сто, ни вздремнуть, ни прилечь, опоры никакой нет, так оно еще и крутится, зараза! Решила пробраться в «чемоданы и сумки» и там «на галерке» отоспаться сполна перед все-ми предстоящими нереальностями, что ждут меня в лагере, и плевать, что я не с «нашими» – все равно буду зажигать по полной! Спать вообще перестаю! Ну и перед стоянкой вздремнуть не мешает, кто этих гавриков в автобус загонять будет? Девчонки, вожатые этого отряда, вполне себе милые, но только обе «тели-матели» какие-то, как они два месяца тут продержатся? Даю им три дня, и Викуше придется их срочно спасать, заботясь об их душевном и физическом здо-ровье! Хлипкие они... я тоже никакая не «крепышка», худая и квелая с виду, с просвечивающей кожей, да и с «физпод-готовкой» не особо дружу, но могу без страховки забрать-ся на «Красную горку». Не то чтобы я увлекалась альпиниз-мом, просто я за Зоей как хвост все детство ходила. Зоя, моя

бабушка, на «досуге» альпинист-инструктор наших краевых «Столбов», и все же на «тридцатку» залезать без снаряжения это явный перебор, а я залезала, и несколько раз подряд, потому что это было «на спор»! А эти девахи-вожатухи никуда никогда не полезут, и я имею в виду не «риск», а «драйв», когда упершись в «потолок возможностей», одним духом идешь выше, на одной вере, это я к тому, что нет им смысла тут так ради чужих детей перенапрягаться, вот и сольются стажерки скоро, так каждый год и случается.

Встала я со своего экскурсионно-говорильного места; за высоким последним рядом сидений, к которому я продираюсь в лихо качающемся на кочках автобусе, показалось «чудище», сначала я смекнула, что это чемодан, но «оно» вдруг встало, а я села на пол, зажав в ужасе лицо руками, еще немного и уписалась бы... «Чудище» оказалось обходительным, заволокло меня с пола на сумки, где поудобнее, и через ленты света, нарезанные наваленным багажом до самой крыши, удалось разобрать человеческие черты.

– Ни фига себе аттракцион! – отреагировала я. – Да за такое деньги брать надо! Не знала, что кто-то еще тут есть, а мы вон сколько времени в дороге!

Парень протянул мне водички, наверно я плохо выгляжу; с перепугу от моей зажатости и следа не осталось, вон, как лихо заговорила!

– Так Егор велел охранять, а то здесь только дети и девушки.

«Ну, понятно», – думаю я про себя, хотя ничего не понятно.

Смотрю на парня и размышляю: «Он тренер какой новый? В «Спортивный» едет... Перекачанный какой-то и выхоленный, значит, он спортсмен преуспевающий, после «загранок», вот его к нашим «хоккеистам» и отжали наши боссы. На «пионера» точно не похож, он уже немножко взрослый, года двадцать три или около того...». И версии пронесли в моей голове как у заправской сплетницы, и вывод с того однозначный – парень мне нужен уже дозарезу, не этот, конечно, но какой-нибудь нужен срочно.

– Ясно, – только и ответила вслух.

– Ты Саша, я слышал, а я Женя Маслов, – и все, информации «по полям».

– И давно ты тут? – парень подумает, что у меня чувство юмора развито, а я просто дура...

Он хихикнул.

– Круто ты с лоботрясами справилась, а то эти практикантки их никак не могли в автобус загнать! И я не помог, не умею я с детьми, вот только как грузчик сгодился.

Я припомнила, что сумки у родителей принимал какой-то парень, но мне тогда было не до парней.

У него черные глаза, черные волосы и загар видимо не «местный», белая майка в натягон на гиреподобные плечи и сумасшедшая парфюмерная вода, не «Шипр»; и вот даже интересно посмотреть на ту суету, что по его поводу в лагере

начнется! Так у нас и без пионерок девиц озабоченных хватает, одни «поварешки» чего стоят, когда поснимают свои колпаки, а «теннисистки» с «гимнастками», а «вожатухи» и «методички» всех мастей, так еще «звезды» есть – Надьки-Полинки. И я представила все в «красках» – шоу обеспечено на весь сезон, девицы теперь будут гоняться не только за нашим Егором и тренером хоккеистов Щедриным, теперь им будет на ком оторваться!

– У тебя в лагере кто-то знакомый? – ну не могу я больше на пустых версиях сидеть, сама его расспрашиваю.

– Ну да, меня однокурсницы сюда затащили: Надя Шевелькова, Полина Соболева и эта, Света Долецкая, ты их знаешь? – еще б не знать, а парень-то «прибранный по самые помидоры»!

– Конечно, знаю – я здесь каждый год.

«Незаметными» твоих девиц не назовешь, нет, ну надо же, таким выпендрежным козам такой парень», – думается мне с сожалением, и неважно, чей он там. Девки числятся вожатухами старшего педсостава, а что толку, все те же немилые «зубастые красотки», это я к тому, что с такой «хищной жизненной позицией» педагоги из них «никакие».

– Так ты тоже сюда пионеркой приезжала? Девчонки рассказывали, что еще детьми были в «Тайге», а Полина – бывший капитан какой-то там команды.

Ну, очень странный вопрос «про пионерку».

– Это она межлагерный «Фестиваль» имела в виду, я тоже

хочу в нем участвовать в этом году... я и сейчас пионерка... из «Первого».

– Ни фиги себе! Ты так круто все разрулила, и я подумал, ты и есть вожатая этого отряда! – он и правда был удивлен, что мне польстило.

– Ну да, спасибо, наверно твоих подружек на этот отряд и поставят работать, практикантки не справятся, а я – так, «скорая помощь»... – он молчал, и я решила сгладить неловкость.

– И чего вдруг сейчас решил приехать в «Тайгу», если знаешь о нашем лагере давно?

– Да я травму получил, тренироваться пока не могу на нашей «базе», но в себя-то надо приходить, а у вас тоже хорошие условия для реабилитации, правда, не по профилю, но мне и нельзя пока по профилю, – абракадабра с проблесками, а не информация.

– И что за «профиль с базой», ни черта не понятно... – не люблю я неясности.

– Горнолыжный профиль, «база» в Сочи, а однокурсник я девчонкам фиктивный, «за медали» учусь и про «Тайгу» только месяц назад услышал... – все с ним ясно, «круче только горы», и то не все! Да, девки в лагере без возрастных ограничений поубиваются за него!

Поболтали мы с этим Женькой немного, я свою харизму разбрасывать не умею, а тут не фиг и стараться, так что общение было без личных стратегий, а так, дорогу скрасить.

Потом караван заехал на широкую поляну, уже прогретую солнцем, дети выпрыснули в зелень, только ищи, так их еще обедом «полевым» накормить надо, и я не заметила, как этот Женька куда-то исчез. Но меня ждал и приятный сюрприз, к нашему автобусу уже доставили «полевой» обед, а притащили огромную кастрюлю на перевес Ванька и Ромка Валевский:

– Малая, соскучилась? Мы тебе пожрать принесли! Теперь станешь такая сытая, хорошенькая! – Ванька избавился от кастрюли, отряхнулся, наверно было тяжело. – Викуша нас «насовсем» к тебе отправила, до самого лагеря, а этот перец, наш новый вожатый, пусть со своими подопечными едет! Ты не представляешь, какая истерика случилась у наших баб от его вида, много пропустила... – он достал «бутеры» с котлетами и сунул один мне, другой Ромке, и мы уселись на бревно, а дети пока пусть наносятся, нам еще ехать и ехать.

– У нас новый вожатый? И где он шлялся до отъезда? – спросила я так, без интереса, меня Ромка очень смущает, а жевать красиво не выходит.

– Так ты ж с ним и ехала! Он уже всем отчитался, какая ты крутая «затейница», и теперь все наши бабы тебя ненавидят! И новенькие тоже, так что не удивляйся, если что... Так мы че сюда приперлись, чтоб он к тебе не приставал, а то будут тут всякие с тобой ехать и про тебя рассказывать... Пусть переростков развлекает! Он что, не понял, что тебе

шестнадцать?

Неужели Ванька злится? На что? Я что-то пропустила?

– Вань, спятил? Ты че несешь? Я даже не поняла, что он вожатый, и тут такая свалка была, думала – он спортсмен... – что-то я не привыкла к таким наездам.

– Вот видишь, он выпендривался! Да хрен бы с ним, с вожатухами нас познакомь.

Так вот, значит, зачем они приперлись, а то развели тут «огород».

– Вань, я тебе вследующий раз в лоб дам, будешь так наезжать! Совсем уже... Сначала детей покормим, потом всю дорогу хоть узнакомьтесь, а то я тут одна за целым отрядом дикарей бегать не буду!

Парни по-честному помогли накормить детей обедом, потом мы быстро собрали всех в автобус. С вожатухами они и без меня контакт наладили в процессе совместной деятельности. Автобусы тронулись, а я стала развлекать малыштовую аудиторию. Играли «в море волнуется» в шатающемся пьяно пространстве, а дети хохотом «срывали крышу». Ромки-Ваньки тоже участвовали, не могли усидеть от такого веселья в стороне, но потом я про них почти забыла, когда другие игры начались. Дети подустали и успокоились, и я тоже пересела назад, где Ванька и Ромка лихо веселили студентов. На меня они внимания не обращали, и я уставилась в отражающее только нутро автобуса окно, в которое смотреть

было странно – ни одного огонька и море черной бездны, да шуршание еловых лап о корпус. Пришлось закрыть глаза, спрятаться от себя и от Ромки, но через какой-то буфер-передатчик я слышала, ощущала некую гравитацию: чуть протянуть расправленную руку в его сторону, и ладонь начинает тикать, греться и ощупывать иную эфирную плоскость.

– Малая, ты чего прикрываешься? – Ваньке всегда есть дело, он развернулся ко мне с предыдущего ряда.

– Свет мешает... Отстань, – я отдернула руку и снова от них отвернулась в черноту.

– Сашка, ты чего там торчишь? Ты нам так помогла! – Настя-вожатуха встрепелась ко мне, показала жестом, как они «упарились» на стоянке. – Пошли к нам, я минералку достану, и у нас там мешок конфет, – она схватила меня за руку и лихо переволокла на другой ряд.

– Конфеты? Мешок? – я не могла отказаться.

Теперь этот Валевский сидел передо мной, от него рябило в глазах как от световой, нервно трясущейся указки, но девочки веселые, легкие, от того и дышалось легко, и я немного прижилась рядом с ним.

– Вы близнецы? – спросила Катя, – вы так похожи!

Это она про нас с Ванькой.

– Ага, – отреагировала я. – По половому признаку – близнецы, а «по крови» – нет, – и так мне придется весь сезон объясняться, чего и как, и почему Ванька меня таскает и тисклет как собственный рюкзак.

– Это как? – Настя удивилась, Ванька ей явно нравился.

– Это значит, что он мне не парень, – и она успокоилась этим ответом.

– Ну что, Малая, снова просидишь весь сезон с братом и без парня? – взбрыкнул Валевский. – Опять будешь по ночам декорации ваять? И вспомнить кроме них нечего будет!

Ну, все, земные пласты сдвинулись, Валевский в меня говорит! И я от удивления не очень-то поняла, чего он там комментирует?

– А ты к ней не лезь, у нее, может, высокие стандарты, и такие как ты ей без интереса! – это Ванька отреагировал.

Они сами с собой разговаривают?

– И почему Рома Сашке без интереса? Вы уж посвятите в вашу «кухню», а то мы совсем свежие, нам непонятно, – это Настя задирается, ей про меня неинтересно.

– Да блядун он редкий, вы уж меня простите, девочки, но поет хорошо, за душу берет.

На что Ромка скривился, но так, равнодушно, ну «блядун и блядун», давно не новость, ответил:

– И кто ж тогда твоей Малой подходит? Муха, этот мега-интеллект? Нет, этот новый, международник хренов, вожатый-извращенец? Ты думаешь, он не блядун? – они сами чего-то перетирают, без меня, но с лентой, без нервов, так погоду на фронте обсуждают, который далеко.

– Хватит издеваться, а! – выдала я парням и обратилась к вожатухам. – Эти перцы любят перепираться, совсем уже

осточертели друг другу! Да? Херню всякую несут... Им давно пора разбавить столь тесную мужскую дружбу постоянными связями, тогда и цинизмом обкладываться не придется! – и повернулась к этим героям. – Мои парни не ваше дело! Обоих! Пусть это будет хоть «черт лысый»! Ясно! – я вообще-то разозлилась.

– Полушкин что ли, он лысый! – это наш старперистый препротивный физрук, Ванька и Ромка выдали это хором и сами стали хохотать.

– Видите, девочки, милые ссорятся, милые мирятся, и все сами-сами... – я держалась «огурцом», но настроение парни мне испоганили. Да пошли они, оба!

Караван тем делом зарулил в зону лагеря и заехал всем свои длинным змеевидным светящимся в ночи телом на аллею. И я этого не заметила! Не заметила, как мы приехали! Да пусть они тут остаются и со всем разбираются! Хватит с меня общественной нагрузки! Пусть все всё делают сами, а не развлекаются! Долго мне еще смотреть на «шашни и прибаутки», да за мой счет?! И при этом делать за девиц их работу?! Ну, нет, больше не собираюсь! И только открылись двери автобуса, я махнула девицам скупое прощание и выскочила в ночь, быстро пошла в гору к нашему корпусу, пусть думают, что хотят, помогать им я больше не намерена.

– Ты куда? Обиделась? – Ванька крикнул мне вслед, в спину, но я не повернулась и ушла.

Полусонные дети около каждого автобуса вяло разволакивали свои сумки и сомнабулически плелись в корпуса, чтобы, наконец, завалиться спать без разбора «куда», со всеми делами будем разбираться завтра. Мне нужно пройти от края до края лагеря, такая разница между «Первым» отрядом старших и «Двенадцатым» отрядом малышей. Наш корпус на самом верху, за ним только «медпункт», спрятанный в елках, где хозяйствует Тая-старушка, я у нее частый гость, а выше заборная сетка и достаточно крутой подъем уже к самому мысу «Красной горки». Вид там такой нестерпимо зашибенный, что, несмотря на сердитую колючую ограду, все влюбленные парочки ее игнорируют и на свидания туда бегают. Ни разу там не была... На «Красной горке» конечно была, я ее и с той, скалолазной стороны уже покорила, но ни одного парня в моем списке нет. Корпус встретил меня уже пустыми темными глазницами, «наши» успели выгрузиться и исчезнуть в его нутре бесследно, скорее всего, сегодня все отправятся спать без приключений. И это последний такой день, который закончится, по расписанию – нам всегда мало времени обычного дня, и ночь от жизни прихватываем, не скупясь, потом спим на ходу и где попало, а то и всего по два часа в сутки. И так каждый день! Это нормально, мы же «Первый Выпускной» отряд, а ночь выпуска затянется месяца на два. И я срочно совершаю обмен с судьбой, меняю ночные бдения над плакатами на свидания под Луной, или не выйдет из меня в этой жизни никакого проку, перегорю бес-

полезно, останусь утраченной... я его люблю????????????????
Ужас, зачем мне такая информация? И что я буду с ней делать? Нет, пора выбираться из себя наружу, тут я абсолютно свободна, и не дам никому украсть мою жизнь с самого начала! Вот еще! Не собираюсь я больше быть жертвой – ни за что!!!

Поднимаюсь на второй этаж, там все жилые комнаты, только номера наших вожатых внизу, ну и стратегическая чемоданная комната, где принято целоваться, тоже внизу. Но я уже взлетела наверх, тороплюсь увидеть девчонок, свет ниткой струится из-под двери: они меня ждут! Заскакиваю в комнату и сразу на меня прыгает Наташка, мы скачем и визжим как полоумные мультяшные картинки, а Алленка вальяжно обнимает нас обеих, собирая в кучку; и прыгать втроем уже не получается, мы валимся на сумки и наваленное на полу барахло. И хохочем! Тут же в стену кто-то недовольно стучает:

– Идите «в жопу» три раза! – Аллена стучит в обратку и орет.

– Тут человек работал, а они дрыхнут, это вам не курорт! – она добила фразу кулаком в стену. – Тебя припахали, не успела заехать! – это она говорит уже мне. – Пора разгрузаться для личной жизни, а! – она стала еще ярче и звонче.

Аленку я не видела месяцев восемь, сама она уже зажила личной жизнью в городе и снимает квартиру с парнем, но мы с Наташкой не знаем его. Аллена пока его скрывает, и даже

гадать не хочу, в чем там причина! Женат ли он или слишком «взрослый», ей тогда еще было семнадцать, когда начались их отношения. Все это не мое дело, если Аленку все устраивает. И как оказалось, на сезон у Аленки пионерские настроения, а ее «неизвестно кто» тут в лагере в ее личной жизни «не при делах», что тут же и выплеснулось:

– Ты с Валевским ехала? Пенки уже обо всем отчитались... Он с Ванькой уже у себя?

Ну вот, завелась шарманка: Валевский то, Валевский се... До сих пор по нему сохнет? Я-то тайно надеялась, что все фикции и иллюзии позади, что ее жизнь уже выросла в реальные отношения! Но нет.

– Да все как всегда! И не со мной они ехали... – вот уж не хочется мне это обсуждать.

– Ясно, отвисают уже... И как девки? – Алена перелезла на кровать, завалилась наискосок и нервно теребит ногой сумку.

На хрен он ей нужен такой!?! Алена Савицкая созрела уже не пионерской красотой, а знойной, вот-вот Викушины бастионы возьмет, не глядя. И это не моя ревность, а озадаченность, ведь Ромка Валевский никогда не выделял Аленку как девушку, меня-то тоже, но я и «не вскрылась» ни разу, а об Аленкиной страсти знают все, и если Бабочка его перманентная подружка, то Алена даже не «в списке»! Может, он идиот? Или тупо боится ее темперамента и не связывается? Ну, зачем ей это? Добить недобитого? Зачем, если у нее есть

не «просто парень», а настоящие отношения!?

– Ален, я в девках не разбираюсь! На хрена тебе? – не нравится мне все это.

– Она дело говорит: на хрен он тебе? Или этот твой постоянный «того»? У вас разлад? Сашк, «бутер»? – Наташка раздает советы и бутеры задаром.

– Да не «на хрен», а так просто... И все у меня океюшки, мой еще и женится на мне, у нас совместные планы.

– Ну и гуляй тогда без нервов, а то ни себе пользы, и нам атмосферу перезаряжаешь!

Наташка Аленку понимает лучше, чем я, они вместе учились и друг друга с яслей знают. Она, наверно, единственная, кто с «нахрапа» может Аленке рот заткнуть, если ту заносит, а заносит ее часто, так что Наташка бдительна, всегда начеку, ведь Аленке ни черта не стоит все испортить и кинуть «за раз» все свои достижения в тартарары. Может, Наташке удастся ее вразумить?

– Ты лучше про этого, Маслова-вожатого расскажи! Неужели Сашка парня зацепила? И сразу такого! Учти, он при «исполнении», посадят парня, если застукают! – и Наташка переключилась на живопереданную тему.

– Давай, давай, рассказывай, а то неохота у подружки-то отбивать, – Алена тоже строится «в списки», неужели и ей Женькино внимание польстит?

– Мы немного поболтали в автобусе... Что случилось-то? Так и не поняла ничего! – что за бред, думаю.

– Он всем сказал в отряде, что встретил девушку своей мечты, умеющую владеть ситуацией, а ты оказалась пионеркой, и он расстроился... – Наташка откровенно подсмеивается.

– Вот так взял и сказал? – сегодня «день приколов», у меня уши уже всю горят.

– Может, и не совсем так, но это Пенки-Бабочки передали, наверно, все было сильно краше, они хорошего не скажут добровольно, думаю, это самый скромный вариант. Ну, он, правда, нереальный какой-то! – Аленка закатила глаза. – На хрена он в вожатые полез? Сиди себе в «спортивном» лагере и мути с кем хочешь, а тебе Малая с ним нельзя, ты его любому подставишь!

– Тебе значит можно с парнем жить с семнадцати лет, а Сашке на свиданку сходить нельзя? Она ж не спать с ним сразу будет, ты че, Сашка же девственница!

Наташка всегда за равнозначность возможностей, даже в таком неоднозначном вопросе, а я еще не целовалась ни разу, куда мне за ними? Как бы девки мои из-за парня не перессорились! Вон как Наташка тяжелым темным потоком вытряхивает переливающие волосы, это означает что ее сексуальность «в ударе», и она вся начеку, а раскосые глаза, не имеющие преграды-переносицы, сузились и сосредоточились в точку. У Наташки отношений уже давно нет, она ищет чего-то особенного, а просто «тискаться по кустам» ей уже не интересно, но и как Алена строить личное она не

станет. Алена раньше постоянно завидовала Наташке из-за нескромных возможностей ее отца, одного из боссов «Десятки», а теперь сама имеет гардероб, достойный «жены дипломата», а Наташку материальное вообще не колышет, да и популярность парня тоже, она ждет любви.

– Слушайте, вот честно, он пошутил, ну не было такого! – я не собираюсь обманываться по поводу этого Женьки Маслова.

– «Кто что мутит, тот на то и шутит», знаешь такое выражение? Так всегда и бывает, а не то, что ты там себе думаешь, у тебя опыта нет! – ну прямо мудрость тысячелетий из уст кореянки с сибирским замесом!

– Девки, мне фиолетово, я в этом не участвую! Да у него вообще подружки есть, Полинка или Надька, кто-то из них точно. И отстаньте! У меня другое дело, я в «команду» хочу попасть... Алэн, а? Протащишь меня через Викушу поначалу, потом потренируюсь на «Открытии» лагеря, я не подведу!

– Да знаю я, что ты хочешь в «команду», но «блат» тут ни разу еще не сработал! Не хочу тебя огорчать, но Викуша нам «мозги промыла и гайки закрутила», ей нужен только «Кубок» в этом сезоне! И она всех разровняет, если мы этого не сделаем! Для нее это такой позор, что столько лет мы ничего не выигрываем, а на следующий год играть-то некому. Викуша теперь сама все контролирует! Не возьмет она тебя, сама знаешь! – говорит Алена без нервов, словно у меня железное

мужество и я никогда не расстраиваюсь.

– Да ни хрена она не контролирует! Отдаст «поручение» поостроже и отваливает! Она напрягаться не будет ни «за раз» – Викуше надо, чтобы все было сделано! И как, неважно! – Наташка меня защищает уже, а мне холодно от страха, что и шанса мне не дадут. – Ну Сашк, не парься ты так, еще что-нибудь придумаем! Пошли спать! И потом, как они без тебя выиграют хотя бы «первый тур», если ты все тексты пишешь? Откажись свои идеи отдавать «задаром», и Викуша сама уговаривать тебя начнет! – и Наташка выключила свет.

Алена ничего не сказала, я ей тексты пишу, это, значит, я ей не должна эти тексты отдавать?

Глава 2. Ночной костер

Утро вырывает из сна гонгом подъема, горлопанящим на всю тайгу. Встать в семь и стоять на «зарядке» посреди огромного спортполя всем лагерем дело абсолютно обязательное. Впрочем, это же правило касается и «линейки», которая требует нашего присутствия исключительно с красными галстуками на шее, необходимыми для поднятия по древку своего прародителя – «всесоюзного красного флага». И потом все, можешь даже не появляться на завтраке и отсыпаться до последующих обязательных мероприятий, но этих мероприятий столько, что сегодняшний ночной сон, возможно, был последним из нормальных. И я очень надеюсь на это, на то, что кто-нибудь мне спать больше не даст, и что это будут не «плакаты» и не мои «пустые» мечты. Видуша возглавляла «Линейку» как военачальник, стоя перед всем лагерем натянутой строгой струной. Подойти к ней после мероприятия и поговорить о моем месте в «команде» вот так, нахрапом, я так и не решилась, хотя плелась следом почти до самой «административки». Но времени у меня нет, сразу после завтрака наши будут собираться и программу выбирать, распределять роли тоже будут сегодня, так что если я сейчас не буду зачислена, то и места мне в «команде» нет.

Ну почему меня так пугает эта женщина? Что в ней тако-

го? Почему от нее у меня стынет кровь? Это какой-то детский страх? Вырастая внешне, все равно остаешься маленьким внутри, а Викушу я начала побаиваться еще на нашей совместной лестничной клетке, впервые я ее там увидела, мне было лет пять. Викуша со своим звездным сыном хоккеистом Антом Горленко живет у нас с Зоей за стенкой, соседка она наша, и никакого соседского панибратства у нас с Викушей не вышло, только особая припахаловка, раз она меня знает вроде как лучше всех. А это значит, она же первая меня и завернет из «команды» по той же причине, ей ли не знать, сколько лет я ходила «отмороженная», то есть, читай, «сумасшедшая»! Может, мне Викушу к стулу тайно приклеить, а потом помочь оторваться, и тогда в благодарность она зачислит меня хотя бы в «список запасных»? Или пусть ее украдут инопланетяне, препятствие испарится, а потом они ее обязательно вернут, помолодевшую и довольную, но я-то уже в «команде» и давно оправдала все мыслимые и немыслимые надежды!

Вот в таком раздрае и самоедстве я приволоклась в столовую, никого не видя и не слыша поначалу, и, конечно, позабыла снять этот душащий галстук, завязанный впопыхах прямо на голую шею – рубашкам я предпочитаю майки, и тут же раздался издевательский смешок Ленок-Пенок. Ну, у нас «по статусу» с атрибутами советской власти на досуге появляться не стыдно только алебастровым пионерам, это значит, я упала «ниже плитуса» в рейтинге общественного

мнения. Так еще сижу на лавке за общим столом, озираясь как дура под общий смех, и никак не пойму, что со мной не так? Со спины ко мне подошел Ванька, развернул на мне галстук, развязал его, сунул себе в карман и пошел по своим делам. Мой молчаливый герой, он обиделся на меня за то, что я на него вчера обиделась, и спасает от ляпов, которыми богато украшена моя социальная жизнь, теперь, молча. Горелке Ванькино благородство очень не понравилось, он вроде как ее кавалер, а я как «кость в горле», никак она не может от меня избавиться.

Так он сам, я к нему и не лезу, к этому Ваньке! С тех пор как мама погибла, он меня опекает, не стесняясь, мы действительно за это время стали друзьями, и пока я была в «малышовой» категории, это никого не смущало. Но последние пару лет напряжение вокруг наших отношений у общественности нарастает – все Ванькины невесты, а он парень непостоянный, стали мне вдруг врагами, и временами они открыто проявляют свою агрессию. И я их понимаю, мне будет дико неприятно, если мой парень станет так себя вести с какой-то там девицей, вот честно! Потому я Ваньку вразумляю, что это неправильно, все-таки я ему не родная сестра, но ничего не меняется, дистанцию меж нами он принципиально не держит, его чрезмерное внимание ко мне по-прежнему всех напрягает и особенно меня.

Валевского в столовой вообще нет и не было, наверно он питается «духом святым», не иначе. Егор, взъерошенный с

утра, взял на раздаче свою порцию завтрака и уселся рядом, повернулся ко мне глаза в глаза:

– Ты чего хмурная? Из-за этого, Маслова, нашего водителя? Слышал вчера этот прикол, про «девушку моей мечты», кстати, поздравляю, лихо ты начала сезон! – он схватил граненый стакан за самый ободок – уж слишком чай горячий, а подстаканников нам не выдают, таких, как принято в поездах дальнего следования. Жаль, мне нравятся серебром кованные пахнущие железом подстаканники, и уехать куда-нибудь прямо сейчас тоже понравилось бы.

– Это не я начала, и при мне все было без приколов, ровненько... – я скукожилась, хотелось стать меньше, высохнуть в невидимку. Представляю, как все хохотали, когда Женька это говорил, и не над ним смеялись, а надо мной, да он практически шутку сезона сварганил!

– Да ты не бери в голову! Женька хороший парень, они, спортсмены, которые «со сборов» не вылезают, все немножко недоразвитые в плане отношений, он сам еще не совсем вырос. Ну не умеет он с толпой подростков обращаться, да и с девушками видимо тоже!

Егор жевал, играя желваками на скулах, поросших мелкой еще щетиной, рядом с ним, несмотря на все смешки за моей спиной, я уже слышу фразу «девушка моей мечты» в перевертыше-издевке, мне спокойно, словно я защищена ото всех невидимой стеной. Егор рядом, но всю жизнь он меня стеречь не станет, так что пора отбиваться от насмешников

самой.

– Этот Маслов мне говорил, что с детьми общаться не умеет, так чего в вожатые пошел?!

«И сидел бы в «спортивном», – про себя продолжила я, вот на хрена мне такая слава, теперь так засмеют, что ни один парень ко мне не подойдет.

– Так я его уговорил! Сама знаешь, с бабами мне тяжело работать, и толку от них в «старшем» отряде как от педперсонала всегда мало, а то и проблемы одни. И сама забей на «дур», столько их еще будет с их сплетнями! – Егор встал, собрал посуду, он успел закинуть в себя завтрак и куда-то сорвался.

И правда, история с Егором случилась очень некрасивая в прошлом году, девица одна, наша на тот момент вожатая, сильно в него втрескалась, а как я понимаю, он с ней даже не встречался, его постоянная пассия – Полина Соболева. Так вот, эта наша вожатуха доставала Егора и доставала, и конечно ни хрена не делала из-за расстройства психики, только истерила, а потом и вовсе срезала себе вены... Выжила. Но осадок остался у всех. Так что получается – весь сезон мы будем наблюдать Женьку, для Егора совершенно неопасного, но, оказывается, он парень с вывертами из-за дикости своего горнолыжного воспитания.

Наташка вытащила меня из столовой прямо в радиорубку, и только на винтовой лестнице уже в башне я поняла ее план:

– Там Аленка с Валевским, он что-то с аппаратурой делает, а эта уже музыку для шоу у него клянит, словно это все, что нужно сейчас команде! Короче, ее понесло! Но при нем она не сможет тебя выпихивать «без шанса»! Зуб даю! Возьмется и замолвит слово перед Викушей! Аленка же тоже ее боится, но это слишком, отказать тебе перед Валевским, точно захочет перед ним повыпендриваться! Ты ж ее знаешь, она «своего» не упустит, и на этом можно сыграть, раз поддержки от нее не дождешься! И чего мы с ней такой дружим?! Пошли!

Наташка и тактик, и стратег – всем угодила, а Аленку мы просто любим, хотя знаем, какая она... и без стука мы ворвались в рубку, и я сразу заметила, что Аленка очень этим недовольна, мы нарушили такую интимность! Мне стало неловко... Японке по фигу эти сантименты, она реализует план спасения «обездоленной души», то есть меня. Ромка сидит под тумбой в проводах на полу, а Аленка ему голыми коленками торчит почти в нос.

– Привет, а мы за вами, все ждут в «актовом зале», пошли, а то разбегутся! Давай Сашку на прогон возьмем сразу? Викуша не заметит, а потом оставит... Да у Сашки все получится, она в «Березке» все-таки танцует... – Наташка включила святую невинность, словно не было вчерашнего разговора. Алена недовольна.

– Мне Викуша лично сказала: «Зарецкую не брать», – Алена выдала какую-то новую особую информацию, заста-

вившую меня застыть в холодке предчувствия полного провала.

– Отчего такая конкретная дискриминация? – Ромка высунулся из проводов.

– Да Сашка каждый год просится, а Викуша... считает, что на сцене должны быть только яркие девицы, без «сиротства»... Это Викуша так сказала, я не хотела тебе говорить! Ну что я сделаю? Викуша меня пропечатала по полной! Ты посмотри, какие у тебя штаны! – Алена тряханула в меня рукой, а я покрылась инеем от стыда, может, я и правда никуда не гожусь? Ну да, на мне не «леваисы» сейчас, а «просто штаны», но и крутые версии тоже ничего не меняют, все мои страхи оправдываются, даже если я вся «в золото отольюсь», перемен во мне никто не заметит.

– Вот Викуша «стерва»! Сто раз «стерва»! Причем тут штаны, если у нас театральные костюмы! Да я Сашке все свои вещи отдам в носку! Даже у Викуши таких нет! Сашка, забирай все! – Наташка покраснела от негодования, а я примерно такого и ждала от Викуши, видимо я хорошо ее чувствую, от того и не смогла ни о чем ее просить, зачем, если она уже приняла решение?

– Викуша – дура! Зачем ей Сашкины коленки, их и так слишком много на команду, твои, Савицкая, тоже годятся! А вот кто ей программу сделает? Планку-то пора поднимать, если Викуша «Кубок» так хочет, это Викушина «заветная» мечта, не наша, нам-то всем потусоваться достаточно! Так

что режиссировать пора Сашку ставить, только «текстов» явно недостаточно, – он не поднимался от своих проводов, и я озадачена, чего у него там на лице при этом написано, и «посвященность» его меня смущает.

– А ты откуда знаешь, что Зарецкая тексты пишет? – Алена сначала обрадовалась, когда он про «коленки» заговорил, но быстро посерела, просела лицом.

– Последние три года стиль сильно изменился, значит, Егор это дело совсем забросил. Ну, так понятно, Савицкая, что это не твое... – я совсем обалдела, что Валевский отслеживает мою тайную карьеру.

– Ты ему сказала? Вот сука, я и не ожидала, что ты такая... сука! – это Алена адресовала мне.

– Савицкая, я ж все объяснил, тут нет подстрочного текста! Вот поэтому я и понял, что пишешь не ты... И Викуше пора сказать, тогда, может, и выйдем хотя бы в «финал». В «Факеле» очень крутая программа, я «кусочек» видел нечаянно, они-то еще неделю назад из своей Игарки приехали и сразу пахать. И вообще, Зарецкая, нельзя так к своей интеллектуальной собственности относиться, я свои песни за даром никому... – я его уже не слышала, а видела, что делалось с Аленой, что-то не очень хорошее...

Она вдруг сорвалась с места, резко отбросила меня толчком в стену и выскочила вон! Наташка не ожидала такого поворота никак и с круглыми глазами побежала за ней, а я присохла к табуретке, на которую стекла от невыносимости

произошедшего.

– Ничего, отойдет... Ну не тянет она, кто-то же должен ей это сказать! И как-то это гнусно, не брать тебя в команду... Сильно зашибла? Извиняюсь, не думал, что Савицкую так снесет! Вы же подруги... Мне твой Ветров голову оторвет! – Ромка стоял надо мной во весь рост.

– Ты ему не говори, и я не скажу... с Аленькой я никогда в жизни еще не ссорилась! А теперь она меня ненавидит...

Знал бы он, какие ставки в игре, и все на него. Алена мне этого никогда не простит, такого позора, я ее знаю... От стресса я и забыла, что тут «тот самый», нереальный Валевский, он вдруг стал человеком.

– Пора начинать ссориться, она на тебе «воду возит»... Пошли, пока эта ее выходка не переросла в мелкие пакости, – и мы вместе появились в «актовом», где уже собрались все.

Алена тоже была в зале вместе со всеми, словно и не было выходки гнева, меня она в упор не увидела, между нами выросла не стена, а межконтинентальная возвышенность, и конечно я буду наказана, я замахнулась «на святое», на ее «святой образ» перед Валевским! И пусть все вышло само, все равно я виновата! Уверена, что Алена оценивает все именно так, я ее знаю как никто... Что делать? Горечь отравления ситуацией кисло-зловонна, как исправить ее, вернуть все обратно? Но вдруг пришло понимание, трезвое, как морозное утро: нельзя исправить то, чего не было, я не предавала Але-

ну... Села я в дальнем ряду, мне хотелось забиться в безыизвестность, обезличенность, чтобы не тащить этот груз, не отвечать за него. Валевский прошел в центр, занять свое привычное место. Наташка пересела от команды ко мне:

– Викуша такая стерва! Как она могла!? – от Наташки так и исходит волна праведного возмущения, наэлектризована и током бьется, ее волосы намагнитились об искусственный чехол кресла.

– Ну и как она? Земля «шатается», или она просто со мной не разговаривает? – я кивнула на Алёну, сидящую к нам спиной в первых рядах.

– Да полезнее будет, чтоб Алёну совсем ушатало! Все равно это должно было случиться, если бы не Ромка, я бы этот вопрос сама подняла! Так я решила и сказала вчера об этом вслух! И с Валевским согласна, она «не тянет»... Ну, а эта ее любовь... не верю я ей, нечего на пустом месте трагедию играть, это ее болезненное самомнение и ничего больше! – никогда я не думала, что в таком споре Наташка возьмет мою сторону, всегда считала, что это они со мной дружат, а я «третья», но меня это не радует, зачем нам нужен такой разлад?

– Что Алёна сказала? – спрашиваю, хотя и так знаю ответ.

– Сказала, что тебя ненавидит, и это нормально, чего от нее ждать-то?!

Не успели договорить, в зал приплыла царствующей манерой Викуша, она сразу обратилась к Алёне, игнорируя всех

других за ненадобностью, но Ванька подошел к ним, и через секунду Викуша обернулась, посмотрела на всех и на меня в частности:

– Ко мне тут поступила информация, Савицкая, ты использовала тексты Зарецкой? – и Викуша повернулась снова к Алене.

– Не совсем, много «моего», ну брала что-то, она ж «учитанная», – члены команды не были потрясены и даже засмеялись.

– Зарецкая не может работать «на сцене», мы все знаем это, поэтому поступим так, раз нам нужен «Кубок». Зарецкая «режиссирует» и готовит «тексты», все остальное как обычно, Савицкая – «капитан»! – и Викуша повернулась к команде, оповещая своим решением всех, естественно не спрашивая ничьего мнения.

Викуша меня потрясла своим решением, оказывается, так все просто! Ура! Я счастлива! Это же то, что нужно! Да еще без пыток выступлений на сцене! Но Алена сказала свое веское слово:

– Я с ней работать не буду! У меня, может, личная жизнь пропадает, а я тут торчу, приехала в лагерь, только чтобы вас всех поддержать! Это вы меня просили, Виктория Павловна, не бросать команду в последний сезон, и что? Да «ради бога», я уеду и все! Но с ней я работать не буду! Надо же, нашли талантище! Это я сама все делала, где она была, когда я отдувалась на «капитанском зачете»? Так что вот так, берите

Зарецкую, а я сразу и отваливаю!

Алена меня «закопала», упало внутри все, и уже тряслась губа предательски, ну не готова я к такому, а Пенки-Горелки откровенно надо мной насмехались, развернувшись в мою сторону. Викуша слегка подняла бровь, дивясь такой Алениной наглости – она царице посмела выставлять условия, ухмыльнулась уголками красного рта и выдала:

– Хорошо, Алена, раз это я тебе все навязала, давай сделаем иначе, – Викуша обернулась снова к команде. – Савицкая готовит к «Открытию лагеря» свою программу, но вообще без участия Зарецкой! Все материалы верни, ясно?! – она снова обратилась к Алене персонально. – А там и посмотрим, что у нас вышло! Все, работаем! – Викуша похлопала командно в ладоши, распорядилась еще о чем-то и ушла.

Алена торжествовала! Над кем? Надо мной? Что это такое? Мы же лучшие подруги столько лет! И она знает, зачем мне нужно в команду, это не каприз, не самоутверждение, я с ней не соревнуюсь! Мне по фигу кто где «первый», это не мои категории; глаза уже щиплет, веки отекают и мешают «держать удар».

– Ну, ты и стерва, Савицкая! – это Муха, неожиданно для меня его заступничество...

– Вот зараза! Совсем границ не сечешь? – это Наташка на нее наезжает, а девицы Пенки-Горелки смеются, их радует такой публичный разлад меж нами, они-то часто собачатся, а мы впервые. – Как ты так можешь! – Наташка уже соскочила

с места и устремилась в первые ряды, она прямых конфликтов не избегает, не то, что я, так и сижу, вжавшись в стул.

– Да Савицкая так одна останется, и командовать будет некем! – это оцетинился Ванька. – Я пас, в такие игры не играю.

– Ну и вали, Аленка не заслужила, чтобы ее сливали! – это Бабочка, а Горелка смотрит на меня зло.

– Ага, как вы можете «бездарностью» меня выставить!?! Я три года капитан, это я тут все делаю! И никто из команды с Зарецкой работать не станет! Правда!?! Никто не захочет позориться... – я уже не стала это дослушивать, сил никаких нет, я убежала.

Слезы стояли в глазах, набухшее рыдание уже перекрыло горло, выскочила я не на площадь, только бы не наткнуться на толпу, а за кухни, туда, где кучкуются подсобки хозяйственные. Ну и уперлась в Женьку Маслова, которого так и не видела со вчерашнего общения в автобусе. Вот очень он мне сейчас нужен!

– Ты куда? Ты чего такая? – он задержал меня на выходе из предбанника столовой.

– За картошкой! – ляпнула первое, что легло на язык, только бы не зареветь.

– За какой картошкой? – и уже вместе вышли через распашные двери и двинулись к складу.

– За обычной! Ведра «два» не меньше, надо выписать, а

то нечего будет жрать на «костре» всему отряду! Эти «кастелянши» после смены уже ничего не дают принципиально, и картошки вечером уже не светит достать! – я говорила чистую правду, и под ней моя трагедия улеглась, спряталась от чужих глаз.

– Сама что ли потащишь? – Женька от меня не отставал.

– Зачем? Главное, картошку выписать и получить со склада! И пусть стоит, кто-нибудь притащит потом...

– Ну и заберем сразу, а то я все еще не понял, что должен делать! – выглядит он и правда растерянно, а я вроде как уже знакомый человек в чужом коллективе.

– И где ты был тогда? Еще вожатым называешься? – это я так, не подкалываю, а просто болтаю, нос то у меня все еще слезно-мокрый, надо себя отвлекать, как угодно.

– Так в «Спортивном» и был, программу тренировок собирал, с тренером договорился, но теперь все, туда буду только по утрам уходить, так что я вовремя тебя встретил и сразу в дело!

– Да уж, вовремя...

– Вчера я, кажется, что-то не то ляпнул? Ты не обижайся, сам не понял, что сказал...

– Слушай, столько обрывочных версий дошло, что неохота и разбираться, не до обид... – ну вот, поревесть он мне не дал, и в горле застрял нереализованный сухой комок.

Подошли к хозяйственной части, девки «поварешки» и

«кастелянши» курили на улице, при проявлении Маслова в зоне видимости все разом стали менять свои размазанные позы на «стратегические». Одна выгнула бедро и взяла сигарету в руку «томно», как представительница старого Голливуда, другая быстро стянула колпак, раскидав по плечам действительно очень красивые, локонами волнующиеся волосы, третья сплюнула, видимо, это и есть ее коронный трюк с парнями, действующий от обратного.

Женька, как и положено, ничего не заметил, но на радость девицам вести переговоры решил сам, он же вожатый!

– Так, мы из «первого» отряда, нам бы выписать два-три ведра картошки на запланированный «костер», – он строго посмотрел на девушку, ну он же на работе.

– Хорошо, – плевальщица понежнела лицом. – Только ведер нет, даю мешками, – она сказала это так нежно, как будто ее стихия не овощи в комьях грязи, а тюльпаны и версальские сады.

– Мешками берем? – Женька задал мне вопрос на полном серьезе, ну не знает парень, как берут картошку на «костер», а девицы разом заулыбались такой милой шутке.

– Берем! Пойду я бумажки позаполняю для бухгалтерии, накладную возьму, а ты тут сам с девочками пообщайся! Картошку к нашему корпусу можно отнести, под пожарную лестницу до вечера можно и там бросить, – я побыстрее ушла и действительно в бухгалтерию.

После ужина весь отряд собрался на веранде со всеобщим ожиданием-предвкушением в глазах – что еще лучше ночного костра с печеной картошкой и купанием в ледяной воде Маны может открыть сезон!?! Костер до утра!!!

Мне всегда сложно собираться в тайгу, пока ночи не прогретые, очень я мерзлявая, потому одета как «капуста», потеплее, и армейские сапоги на ногах впридачу, травмы обычно достаются мне, и такая обувь просто сущая необходимость. Пенки-Горелки-Бабочки нарядились, как и положено профессиональным красоткам – все самое лучшее сразу, что подразумевает отсутствие теплой одежды; греет их счастье всеобщего внимания, а к нарядам прилагаются всякие ужимки с соответствующей театрально-кружковой жестикуляцией. Конечно все на своих местах: Валевский с Бабочкой, Ванька с Горелкой, Муха с Пенкой, стоят парочками во главе процессии, как женихи с невестами на массовых студенческих свадьбах, а мы все их гости, только одеты мрачновато для такого случая.

Конечно, Ванька принялся меня жалеть после собрания, но мне было стыдно перед Ромкой, что я так бездарно профукала свой «интеллектуальный труд», ведь я весь год готовилась к этому «Фестивалю», так заодно лишилась и лучшей подруги. И я не стала слушать их жалости! Вот стремлюсь от жалости избавиться, но все равно постоянно становлюсь жертвой, так не только мне самой, а еще и другим все про меня понятно, не могу так больше! Ну их всех с их жало-

стью...

Женька Маслов меня сильно порадовал, объявился не с барышней, а сразу с тремя – ни одной «красоте» возле склада не смог отказать! Девчонки не конкурировали, счастливы и все время чирикают, прижимая к себе чайники и всякие другие костровые полезности, хорошие девчонки! Егор тоже наташил невест три штуки: Надька-Полина-Светка, вожатухи из «малышового отряда» еще не сдали свои позиции, так, пока лагерные «звездени» гуляют до утра; правда, Егоровы девицы всегда сами по себе, обычно он занят рабочими вопросами, а не пионерлагерными прибаутками.

Из корпуса вышла Алена и стала общаться с нами как ни в чем не бывало! Наташка на нее злилась даже больше, чем я, но я не хочу противостояния, и обиды во мне нет, только глубокое сожаление, что так все вышло, сама Алена, как умеет круто заварить скандал, так способна его и игнорировать:

– Ну, ты и оделась, Малая, кошмар! Ты так никого себе не найдешь! Думаешь, на «костер» картошку жрать ходят? Ночной «костер» нужен, чтобы парня зацепить, не зря там так много кустов! – конечно, она меня задирает, но так она общается со мной всегда, в такой наставнической и издевательской манере одновременно.

– Ну что, Алена, типа, победителей не судят? Только ты «по своим» идешь, ты Алена такая дура, Сашка-то тебя любит...

– Наташка никогда не ищет удобных моментов, говорит все и сразу.

– Мне не нужна ее любовь, не надо меня было унижать при Ромке! Но сейчас все на месте, и я не в обиде, а вы как хотите, можете отмораживаться, – она сделала лицо показушно-независимым.

– Да не собираюсь я отмораживаться, никто такого не хотел, я такого не хотела! Никто не собирался тебя унижать! – я не оправдываюсь, это мои чувства.

– И я так не хотела, так получилось! У тебя так, у меня вот так! Квиты? – Алена абсолютно собой довольна.

– Алена, ты такая дура! Глобальная! Но морозить тебя игнором, как любишь делать ты, мы не будем, – Наташка закрыла тему.

Колонна двинулась сначала вдоль ограды вниз, под холмы, там через восточные ворота уже напрямик в лес, короткой дорогой к отростку-ручью, что ответвился от Маны. Здесь потрясающий вид на несколько одиноких «столбов» из красного гранита метров в двадцать высотой. Каменные глыбы словно выросли прямо из земли не по геологическим законам, а как обычные елки и сосны, стоят как живые, одухотворенные существа, подсвеченные подслеповатой луной. Ручей со студеной водой плещется на плоских валунах, стекая в очень глубокую заводь, а лихие выпендрейники непременно ныряют в хмурую яму оголтелой головой. Впрочем,

кто бы говорил, меня все равно в лихости никто не переплюнул, без страховки по скалам никто не лазает! Может, я из какого обезьяньего рода, и его базовые навыки торчат у меня иглами в генах как насущная потребность и требуют: «Лезь на скалу, лезь»!

Это Зоя во всем виновата, после того, как мой дед пропал в тайге, а их экспедицию так и не нашли, у нее сформировалась потребность рисковать без толку, а у нас в «крае» такие богатые возможности с нашим заповедником «Столбы» открываются, так еще и фильм «Высота» сделал свое дело; бабушка втянулась, и альпинизм стал ее страстью, примиряющей с жизнью без деда. Именно поэтому она так и не вернулась в Москву Скалы и дед, дух которого явно где-то тут, держат ее в жизни прочно; у Зои за тридцать лет увлечения альпинизмом не было ни одной хоть какой-то травмы серьезнее растяжения. В повседневности бабушка занимается делом по профессиональному призванию, работает в самом большом архиве Сибири и Дальнего Востока, она «Институт Востоковедения» когда-то закончила и знает языки, которых на Земле уже нет. Так получилось, потерять и бабушку после смерти мамы я никак не могла, замолчала я тогда не потому, что «тронулась от горя», а хотела, чтобы меня оставили в покое и дали быть всегда с ней рядом, с бабушкой. Всегда и везде! Несколько лет я ходила за Зоей по пятам, и даже «сезон» в лагере в тот год пропустила, но оставить ее наедине со стихией неведомого, непонятного мне зла, которое так

искалечило мою семью, я не могла. И этот опыт принес свои побочные плоды, теперь я ориентируюсь в любой документации как заправский «архивариус» и ползаю по скалам дико, как обезьяна! Веревки, крючки и страховки мне только мешают, так что даже сейчас, в темноте, подсвечиваемый лунным светом гранитный бок скалы не дает мне покоя, привлекает уступами и впадинами, и я внутренне выстраиваюсь на его абордаж – руку сюда, ногу туда... Говорю же, у меня «генетическое» расстройство! Но лихо я забираюсь только вверх, вниз спуститься получается не всегда, и с вертолетом меня со скал снимали не раз, так что сегодня я воздержусь от сумасбродства. Этот конкретный «столб» вообще не имеет пологого склона, сидеть на его верхушке всю ночь мне неохота, и я отвернулась от него, чтобы он меня не соблазнял.

Наша огромная компания костер насобираала в человеческий рост, сухие сучья быстро прогорели до угля и над костром поставили чайники, а в золу побросали картошку. Мы с Наташкой уселись на бревно, а Аленка нас покинула, что сняло напряжение, видимо, это все так и останется во мне, не растворится. Наташка смотрела в основном на «новеньких», конечно, на парней, бегать по кустам она не собиралась, но любовь тоже должна с чего-то начинаться. Вот она и пялится на всех подряд. Кто зацепит ее через внутренний импульс? «Выгодным» умом Наташка жить даже не собиралась: «Это

противно моей богатой природе», – так она сама выразилась.

– Смотри, чего Муха с Пенкой творят, прямо в «засос», пошли бы на речку, нет же, им нужна публика! – Наташка сплюнула на такую показуху.

– Так Муха тебе «на глаза» все делает! Он вообще тебе не нравится? – все знали, что Муха по Наташке давно сохнет.

– Не-а, ни за что не берет, у нас темпераменты разные! Но особенно меня этот его друг Толик Уткин смущает, он же хоккеист и старше всех нас, чего он за нами таскается? Он мне прямо неприятен, хочется обходить его стороной, особенно в темноте. То ли мысли у него дурные, то ли сам такой смурной? Муха ведь не такой, чего он с ним связался? Вот почему Кира Железняк так же часто к нам не приходит? Он же тоже их друг!? Против таких хоккеистов, обаятельных, я ничего не имею! И я знаю, тебе Кира нравится! – Наташка хитрюще на меня смотрит.

– И что, он тоже понял, что я на него плююсь? – я покраснела, повезло, что кругом темень «выдри глаз», а пылающий костер черты лица засвечивает добела.

– Нет, ничего не заметно, но я-то специально за тобой следила! Не может так быть, чтобы девчонке до шестнадцати лет не нравился никто. Когда ты со мной на игру к Антону Горленко ходила, я видела, как ты на Киру смотришь, с улыбочкой такой довольной, словно гордишься им.

Наташка уже несколько лет очарована сыном Викуши, известным в нашем городе хоккеистом Антоном Горленко, вот

мы и посещаем все его игры. Кира тоже хоккеист, только сборной нашего лагеря, и мне он давно нравится – он мой личный выбор, настоящий парень, а не образ, навязанный мне бессвязным бессознательным. Да, мне тоже жаль, что Кира сейчас не с нами, а противный Толик тут.

– Смотри, чего эти дуры творят! Чего парня задирают? Где твой Ванька, почему он не с этой Горелкой! Боже, какая же она дура! – Наташины комментарии бессвязны, но мне логичны и понятны.

Наташка не приемлет Таньку Горелову категорично и бесповоротно, и у нее есть на то свои особые причины, семейные: они сводные сестры, мама Наташки и отец Таньки поженились и стали семьей. Наташка этого родства чисто психологически не вынесла, занимать одно пространство, такое, как общая комната, смешиваться энергиями с Танькой – для нее никак невозможно, настолько они абсолютные полярности в этом мире, и Наташка переехала к отцу... Ну и я бы слегка ненавидела девочку из-за которой не могу нормально общаться с собственной матерью!

А напротив уже разыгрывалось настоящее шоу для взрослых! С нами на «костер» пришли несколько спортсменов, с ними новенький Митяй-хоккеист, он высокий и страшно хорошенький, но еще совсем зеленый. Вообще-то он мой ровесник, но для наших девиц, Горелок и Пенек, он – «малыш» и лучший объект для домогательств, не злых, а телесных,

и я небезосновательно подозреваю, что с малосимпатичным парнем они бы так себя не вели! Горелка уселась мальчонке на колени всем своим сексуальным естеством и пыталась запихать ему язык в ухо, Пенка прикрыла его собой сзади, утираясь сверху о его лоб вылезавшей из майки грудью – такая мерзость! И Наташка уже «на рогах» стоит, не любит она, когда милых парней обижают развратные фиктивные сестры! Но все же с усилием над собой она решила переключить внимание и не создавать конфликт, развернулась от постыдной сцены в другую сторону:

– Слушай, не пойму, что за тусня у старшего поколения!? И что тут делают эти невесты-поварехи, если Женька номинально твой жених? А Надьки-Светки-Полинки вообще подозрительно себя ведут, смотри, как Надька этому Женьке шею-то наглаживает! Да у них отношения! Сто пудов! – Наташка даже присвистнула, дивясь своим догадкам.

– Это почему? – «жениха» я пропустила мимо, а разобраться в тонкостях чужих сердечных страстей очень даже поучительно.

– Ну, как-то слишком это движение интимно, значит у них физического барьера нет, а он делает вид, что не замечает Надьку, то есть они точно не пара, по крайней мере сейчас. И эта Света Долецкая кривляется, как «без костей», явно Женьку зацепить мечтает, и на Надьку смотрит как на мерзавку! Ну и подружки! Вот Полине Женька неинтересен «почесноку», вообще на него не реагирует!

Полина в этот момент стояла перед Егором и что-то образно и шумно рассказывала.

– Знаешь, мне странно видеть Полинку рядом с Егором... Она как начала с «первого» отряда за ним бегать, так свою линию и гнет, уже почти догнула парня, но у них ничего не выйдет, – Наташка смотрит на героев своих версий, как книжку читает.

– Почему? Они несколько лет встречаются! – ну неопытная я, такая мудреная наука – эти отношения полов, а Наташка все сечет.

– Она дерганая, выступает, словно до сих пор «на сцене», так и не рассталась с ролью «капитанши»! Неужели это ее единственное достижение!? Ты Полинку видела хоть раз нормальной? О чем они с Егором говорят вообще? – Наташка даже руку подняла к затылку в озадаченности.

– Так они и не говорят... Может, им незачем?

«Мало ли чем она его держит», – думаю я про себя.

– Да так и есть, что они наедине не разговоры разговаривают, но значит это не отношения, и мне жалко Полину... Егор вообще на Надьку все время пялится! – и Наташка вытянутым подбородком показала мне направление Егорова взгляда.

– Да ладно! Надька, конечно, красивая, блондинка «мерлинмонрошная», жеманная вся, но Полинка прикольная, ногастая, Надьку и не видно за ней. Знала бы Полина, что ты ее жалеешь! Да она первая акула лагеря и всем парням нра-

вится... Хотя, нет, первая акула у нас теперь Алена, – и от собственного комментария меня кольнуло.

– Это точно! Вот интересно, почему бы этой Алене-акуле не уехать к своему богатею, если у них все так зашибенно?! Не из-за Валевского же она тут торчит!? Как вообще можно было влюбиться в этого избалованного мажора!? – Наташка в искреннем недоумении, и вот я собственно тоже – как меня угораздило?

– От мажорки слышу! Горелка так бесится, потому что твой отец только тебя так балует, а вы вроде как сестры! Таньку сильно «калечит», что ты такая вся крутая и пофигистичная! Тут вы с Валевским «близнецы» – он пофигист махровый! Наверно только Ромка нашу Викушу не боится...

– Конечно, я бы тоже никого не боялась, если бы мой дед был Меркулов! Малая, ты подозрительно много про Валевского знаешь! Вот этого я точно боюсь, не хватало чтобы и ты на него запала – он редкий паршивец! – ну она и прозорливая, меня аж ошпарило от ее догадок!

– Да это Ванька все, о ком нам еще говорить... – ну так это правда, бывает что и так.

– А эти два друга тебя на досуге перетирают? Валевский так подозрительно осведомлен о твоих талантах и мечтах! Слушай, я так тебе завидую...

– Почему вдруг? – вот уж странно.

– Ванька так тебя любит, меня бы кто так, и если бы не эти ваши «странности», были бы вы самой крутой парой, нет,

самыми счастливыми...

– Так мы и так счастливые, я тоже Ваньку люблю, может, поэтому и счастливые, что страстей нет, я бы не хотела все испортить... – про Ваньку я могу спокойно болтать.

– Да все с вами ясно, вы бесполое...

– Ну да, по отношению друг к другу... – я задумалась о «своем», а Наташка снова наблюдает нервно выходки Пеннок-Горелок.

– Сашка, я не могу смотреть, как Горелка хорошего парня портит! Взгляни острым взглядом, этого Митяя надо спасать от развратницы, она ему языком уже в глаз залезла. Или все это ему самому нравится? – Наташка как-то слишком назойливо теребит ленточно-блестящую прядь волос.

– А какая тебе разница? Спасать так спасать! – ну да, парень слишком мил, и девки просто так свою жертву не оставят, пока их женихи разбежались: кто ныряет, кто рыбу сачком пытается выловить.

– Если ему это нравится, то и спасения он не достоин! – Наташка в сомнении качает головой.

– Ну, вот что скажу... это все точно не нравится его сестре! Слушай, а они-то настоящие «близнецы»? Только вот не очень похожи... кажется, ее Марина зовут, она со «второго» отряда? Смотри, эта Марина просто в ужасе! А если это так, то и Митяй не такой, это не его привычное состояние – с девицей во рту, он не Валиевский! Мой вердикт: парень растерян, он просто не владеет ситуацией по неопытности, пора

спасать!

– Честно-честно? Я не буду «сама себе дура»? А вдруг он будет не рад? – Наташка нервно кусает губу.

– Наташа, вот увидишь, он еще и «молиться» на тебя начнет! – и я хихикнула, не сдержалась.

– Это перебор... ну, я пошла!

Наташка рванула в бой, ну такая она, без барьеров! Подошла ко всей компании вплотную, взяла за руку Митяя, выпутала его из девок и потянула за собой, обернувшись к немного растерянной Горелке:

– Парень мой, еще раз такое безобразие увижу, получишь под глаз яркую причину моей маме жаловаться, а мама только разведет руками: «Ну нет со мной никакого сладу»! Наташка конечно обращалась к сестре, это очень личный конфликт.

– Ты чего о себе возомнила! Может, Митяй не хочет с тобой идти? Может, ему «монголки» не по вкусу? Знаешь ли, такая экзотика на любителя! – Пенка встала в расхлябанную позу, а зря, сейчас она в глаз получит, а не Танька.

– Пенка, еще одна такая мудрость, и я тебе нос разобью сразу до хирургической травмы! Да нет, прямо сейчас сломаю, наглядно! – Наташка наскоком подскочила к Пенке, та ее выше и крупнее, но Пенка с визгом побежала за спины вожатых. – Весь сезон меня обходи! – Наташка развернулась, разрезав темное пространство еще более черными волосами, взяла Митяя, который выше и крупнее ее вдвое, за руку и

увела.

Да, урок действительно получился наглядный! Все рты на поляне у костра открыты! Ну да, Наташка не девица, а стихия из породы ураганов и прочих опасностей, связанных с разрушениями ландшафта простых смертных, если они такой природой так беспечно пренебрегают. Право, не стоило Пенке так обзывать, глупая, ничего в красоте не сечет! А Наташка и не болтает, ей нос сломать даже парню ничего не стоит...

Ко мне подсел Егор, он был не сильно впечатлен Наташкиной выходкой, уверена, он даже ждал, когда она этот «вертеп» раскидает, можно сказать, на нее была вся надежда! Егору пионерок от парней за волосы оттаскивать вроде как «не с руки», они уже «не дети», а Наташкина реакция предсказуема и в ее логике логична. Егор передал мне крепкий травяной чай:

– Держи, совсем задубела. Ну что, твои подружки зажигают по полной, а еще сутки первые в лагере не закончились, а что дальше будет?! Мне тут доложили про выходку Савицкой, так даже я был удивлен! Как вы с ней до сих пор ладили!? Сильно расстроилась? – Егор развернулся ко мне всем корпусом, сидя на бревне, и внимательно ищет эмоции.

– Не то слово! Надежда была... Ну а кто сказал что мы выиграем? Может, вся эта суета не стоит того, чтобы терять подругу? Чувствую, что все... – я прихлебываю зеленую жид-

кость, и она пробивает окоченение.

– Выбрось ее вообще из головы, эту свою Алену! Что хотел сказать, давно надо было... ты не переживай так, мы обязательно съездим с тобой в этот Краков и без этого «Кубка». Обязательно! В этом году меня не отпустят, там большое дело в отделе, но потом я найду возможность, так вместе и поедем. Ну не рвись ты так на части, оно того не стоит!

Конечно, для меня такое его обещание стало новостью, но если учесть особую связь между нашими семьями, то иначе и быть не могло, это же Егор...

– Не слишком ли это? Ты не обязан... Мне нужно приехать с «Фестивалем», я хочу найти отца, иначе как я его найду? Если мама все организовала через отца в Польше, если все сделал он, то и данные о нем в документах есть. Ты знаешь, сколько я запросов отправляла? Официальных! И ничего! Если мы придем туда с улицы, никто не даст нам никакой информации. И он никогда меня не искал! Что там случилось? Но он же все знает! Я осталась одна! Вот если придет коллектив, мы попадем точно на место, тогда я сама разберусь, знаю, что искать, я просто посмотрю на него... Пусть он «не въездной», пусть у них ничего не вышло с мамой, но я-то есть... Я должна знать, кто я! Мне кажется, я его увижу и все пойму...

– Может, твой отец не стоит таких усилий? Взрослые часто поступают ужасно, и это могут быть наши близкие. Ты хочешь узнать такое!? Прости, я не очень-то умею беречь чу-

жие чувства, но ты так задрала планку, такие усилия... Опасно все это, – Егору не слишком-то понравились мои планы, но он не может мне запретить разобраться в своей жизни.

– Пойми, если бы не он, не мой отец, разве бы мама так рвалась из-за этого «Фестиваля»? Наворотить такой проект можно только ради самой большой цели, а какая еще может быть цель? Все ради него, я знаю, нутром знаю, что все было ради моего отца... Может, она хотела вернуть его? Не собираюсь я разрушать его налаженную жизнь, я все понимаю, столько лет прошло, и я ему чужая... Но мне надо его увидеть, я должна понять... понять мою мать. Для меня цена оказалась слишком высокая, я должна знать, за что я так дорого заплатила!

Возможно, я впервые выговорила, смогла выговорить вслух то, что уже семь лет во мне зрело, и все это время я знала, что сделаю это, отвечу на все вопросы, я сделаю это, несмотря ни на что! И никакие Викуши и Алены у меня тут даже на горизонте не стоят! Нет их с их бестолковой суетой! Внутри меня уже выложен этот неведомый мне пока путь к этому моему личному «небу», где я найду не просто ответы, а себя, пойму, как жить дальше, сейчас я ничего не понимаю.

– Егор, спасибо тебе, даже не представляешь, какое оно огромное это спасибо! Но я еще пободаюсь, мне нужно попасть в серёдку той ситуации, на место, уж не знаю, как это мне поможет! Но если приехать туристом, возможно, я ничего не пойму, все будет не так, этого недостаточно... – я

посмотрела Егору в глаза, впервые как «я настоящая», а не та, что «ребенок». Так он и не знал ничего о моих планах.

– Да... не готов я, не думал, что ты так быстро вырастешь, но что «за дело» возьмешься, и настанет такой день – это я знал, – он задумчиво отпил чай, словно прикидывал, куда эту новую меня пристроить меж своих каких-то дел, и это было странно... Никогда не думала, что Егор всю эту историю принимает так близко, ближе чем просто хороший парень, я что-то опять упустила? Про Алену же я такого не знала, что она так лихо переступит через меня.

– Егор, не парься, все будет хорошо, я не такая, как моя мать... Ну и потом, это дело чести – побороться за мамин «Кубок»!

Он снова посмотрел внимательно:

– А какая она была? В чем ты не такая?

Что он там хочет из меня вытащить?

– Она – хрупкая, как «не от этого мира» со своими мечтами, а я вся тут, ни о чем не мечтаю и ничего не жду, я сильная... Конечно, я шокирована, что Алена такая, ну и ладно, я своих планов от того не меняю, плевать я хотела на ее интриги.

– Давай договоримся так: ты большая и сильная, но все, что ты будешь делать, это бороться за свой «Кубок», раз тебе это так нужно. И неважно, получишь ты его или нет! А когда сезон закончится, там и посмотрим... Взрослый дядя все сделает сам, без маленьких отважных девиц на хвосте, а

ты просто приедешь к своему отцу и скажешь ему все, что о нем думаешь! И ничего с ним не случится, не расклеится, потерпит как-нибудь, а потом мы вернемся, и ты, как нормальный ребенок, пойдешь в школу. И все будет хорошо! И давай закроем эту тему, а то пропустишь весь выпускной сезон, твой папаша не может украсть еще и это, твое последнее пионерское лето... Договорились? – Егор выглядел как человек, который во всем разобрался и принял свое нерушимое решение. И я никогда не чувствовала так остро себя ребенком, которым я наконец-то могу быть, пусть мне и осталось совсем немного от детства...

– Договорились! Только я не знала, что можно так... у тебя своя жизнь, это неправильно, наверно?

Он посмотрел на меня как на больную.

– Где ты видела мою жизнь? В отделе УВД? Совсем уже? Вроде умная, а как же ляпнет... Договорились? Все! Развлекайся и ни в чем себе не отказывай, можешь вон «рыжей» космы повыдергивать, чтоб не шибко выпендривалась! – Егор поднялся и пошел в сторону реки, пионеров по кустам контролировать.

Да уж, этот разговор был совсем в другой плоскости, и я никак не ожидала, что могу хоть на кого-то рассчитывать, что кому-то есть до меня дело. Да еще до такой степени?! И я не смогу отказаться! Хочу отпустить все, что годами пропитывало мой личный бред, всю эту невыносимость ожидания, что я должна прикоснуться к этой своей боли и разрушить

ее пониманием, что я должна всю себя на это потратить. Все это было важнее детства с его мечтами, и пусть это только отсрочка, но, возможно, она спасет меня, и я просто буду жить? Целых два месяца я буду жить... Чай с еловозеленой гравитацией внутри, пропитавшей все травы, что были в нем заварены, прогрел мою стеклянную замерзшую кровь до алого жизнеспособного состояния, рождавшееся тепло привлекло и покой в бурлящую пространством душу, я – крошечная точка в себе самой, я есть, и этого достаточно, я никуда не стремлюсь и ничего не достигаю.

На поляну вернулись Валевский с Ванькой, и Алена откуда-то материализовалась, она села рядом с Ромкой на соседнем бревне, а Ванька, конечно, пристроился около меня. Поляна вообще снова ожила, со всех сторон к костру подходили жадные до печеной картошки, она была страшно горячая, и тут, и там уже раздавались мелкие ругательства обожженных. Свой уголек с белыми венами картофельного нутт юлчпнлсгра я бросила на траву остывать, неохота от жадности потом еще три дня не чувствовать вкуса ошпаренным «в тряпочку» языком, а Ванька все же обжегся, намазался весь углем, и теперь светился кипенно-белыми зубами, высовывая язык на сквозняк и ветер. Алена бедром к бедру с Валевским сидит на колченогом узком пне, заставляет его дуть на разломанные кашистые внутренности земляного плода, разложив газетку с картошкой на своих коленях. Столь неми-

лая моему сердцу картина притягивала взгляд с паршивой очевидностью, ясно, я превращаюсь в мазохистку, стойко и неминуемо. Впрочем, всегда так с этим Валевским, встану где-нибудь в углу дискотекой шумящего зала, спрячусь в тени и смотрю, как девицы разных форм и форматов отрабатывают на нем все свои немислимые потенциалы. Зачем я это делаю? Так иголкой ковыряют ранку с занозой, больно, но если вытацишь, пусть с кровью, получаешь облегчение, пусть болит, знаешь, что все заживет и скоро забудется. Хочу, наконец, выковырять этого Валевского из себя, пусть мне будет противно, и он выйдет с гноем, он смотрит на меня, прямо в меня, а эта отравка-Алена рядом с ним елозит, и я не отворачиваюсь как прежде. Вот еще, плевать мне, что он там себе думает! Егор словно стружку с меня снял, освободил от этой вездесущей ответственности – все сделать одной и самой, и освобожденная моя внутренняя страсть к этому «черному принцу» подошла к самому краю. Вот она я настоящая и ничего не могу с этим Валевским сделать, хоть умри! Потому что он прикреплен где-то там, со всем этим таежно-глобальным замесом, он там, где моя пуповина, но если вскрытая страсть как нагноение поднимет его наружу и выдавит, я буду свободна. И пусть я паду в списках его жертв, общественное мнение последнее, что беспокоит меня. Да оно вообще меня не беспокоит! Плевать! Мне надо, чтобы «общественное» мне «путь» не засоряло своим умением навалить непролазных куч там, где их и не было! И я смотрю. Алена со

своей суетой и притираниями такая мелкая, пустая, не держится она совсем ни за что в этом мире, опасно быть такой размазанной по внешнему краю, дунет «нелегкая» и нет ее, и следа не останется, «вечное» нигде ею не затронуто. Очень жаль... Но я же ей никто, Алена меня от себя соскребла как «ненужное», в жизни абсолютно «бесполезное», поэтому я просто смотрю, спокойно, процесс выгноения уже начался.

– Ветров, вот скажи, на многое ли ты готов, чтоб твоя Малая была при делах в команде? Можешь ли ты доказать эту свою привязанность как мужик, делом!/? Ты все больше на слюнтяя похож рядом с Зарецкой, – Алена нога на ногу сидит напротив и вытравливает какую-то очередную смуту из себя.

– Это не твое дело, Савицкая! И пошла бы ты... – Ванька и не собирался реагировать на ее идиотские вызовы.

– Ну а если я завтра же запишу ее в команду? И все! И она поедет к мамочке? А то я такая плохая, а вы такие защитники, а ты докажи! – вот завелась, мне даже неинтересно, я ей не верю. Наташка бы Алене уже в волосы вцепилась, в том месте, где она сказала: «поедет к мамочке».

– Давай, выкладывай, чего зря сотрясаешься? – это уже Валевский зацепился, я молча смотрю.

– Валевский, как я за вами наблюдаю столько лет, вот что поняла, никакой ты не «бабник», которым себя выставляешь, это все ради музыкальной славы, а бабы тебе вообще без интереса! И есть только один человек, за которого ты паришься – да, Ваня? У вас же настоящая мужская любовь! –

у Алены от дерьма в голове и речь засорилась, идиотка.

– Вот мне фиолетово, что ты баба, врежу ведь... – но Ванька не злится, ему противно.

– Так вот, я не договорила, это наше последнее лето, и я хочу получить то, что всегда хотела: Валевский, сделай пользу своему выводу! Тебе же все равно! На душу я не претендую, у меня, знаешь ли, поклонников на «большой земле» всех мастей хватает, хочу, чтобы было что вспомнить, а не помнить тебя как «занозу» всю жизнь. Ну, слабо?

Она смотрела по очереди на Ваньку и Валевского, ее речь не привлекла чужого внимания, и мы остались в этом поле одни, онемение просто парализовало меня, я не знала, как на такое реагируют! Алена явно спятила, даже представить такой абсурд нельзя! Ничего себе выкуп? Да она больная!

– Легко! – вдруг ответил Валевский. – Ты баба красивая, мерзкая конечно, но на внешности это отразится только с годами. И да, с этой моей гиперсексуальностью мне нечего возразить, мне все равно с кем, а Ветров «мое все»! Не такая уж ты и глупая, как я думал! – он повернулся к Савицкой, запустил руку ей под майку и заложил жирный засос в губы, долгий, и все повторил еще раз.

Вот это действие привлекло внимание уже всей поляны, зрители начали вокруг нашего пятака собираться и бурно аплодировать прорвавшейся через край страсти, это же «новость» какая – Алена сделала Валевского, добилась своего! Ванька сидит в таком же офигении, как и я, уж слишком

циничная схема была нам не просто предложена, но тут же и осуществлена. Мы даже понять ничего не успели! Но во мне начала проливаться волна нагноения, большего абсурда и быть не может, такой дикий «перевертыш» и в голову крайнего психа не придет! Что за мерзость!

– Вы оба, вы совсем уже ничего не чувствуете? Это же уродство! Вы сами-то понимаете, что сдаетесь на любой произвол!?! Как собирать себя потом будете? Вы кто вообще такие? Да я никогда не пойду в твою «команду»! Да подавись! А еще раз упомянешь своим поганством мою мать, то осуществлять свои планы будет нечем – разобью в хлам! И не смей со мной никогда разговаривать! Никогда! И ты, «горе-любовник», прежде чем подкладываться, думай, чем жертвуешь, совсем не сечешь, чего делать нельзя? Уроды...

– орала я на всю поляну, многие откровенно удивились моей реакции, я никогда не ору и даже не разговариваю громко, закваску этой истории все пропустили, но мне уже нет дела до всех. Клапан сорван! Все! Не могу больше! Да я в таком дерьме просто не выживу!

И, не раздумывая, что есть силы и стремительности я удалялась в целительный пустой, свободный от «перевертышей» лес, и только когда шум и голоса, мерцание костра и ручных фонариков остались позади, я начала дышать. Заноза вышла, все занозы – вышло все! За один вечер вышло то, что держало меня в тигеле закрытого сознания столько лет?

Наконец я вывернулась сама собой наизнанку, как обратилась в нечто неведомое в себе, ведь я никогда не знаю, какой лик вынырнет из вечности, какой я стану здесь в очередной жизни. Конечно, я стану «собой», кем еще я могу быть, но какой «собой»? Какой стороной вывернется «беспредельное» и в моих чертах, и моих гранях – этого не знает никто! И это больно быть только частью себя, только одной односложной гранью, только мелким отражением того, что «есть я». Каждый раз возрождение личности это резня «по живому», когда отсекается «целое», и я остаюсь лишь обрубком волны жизни, являюсь млечностью вечного, хотя оно и есть я. Ни одна олицетворенная жизнь не способна вместить «безмерное», можно лишь держать эту первородную пуповину, сохраняя связь с домом. Но я знаю, что скоро времена истратят свой срок, придет день, и мне не придется больше рваться и выворачиваться, и быть так надолго покинутой домом. Весь мир, от самого начала, разбросанный по временам и пространствам, свернется единым смыслом и временем, и мой дом будет только здесь, и я буду только здесь, я стану цельной, навсегда. «Земля» – мой истинный «утробный дом», и все изменится, когда мир будет, наконец, рожден, уже слышу это движение, схватки, когда несет инстинктивная сила, которую нельзя остановить...

Это тайга так баюкает меня, показывает мне разные картины мира и их значение, обещает неведомое, впускает внутрь меня понимание, всегда слишком глобальное, и мне

воспринимать все это удастся не больше чем «звезде», наблюдающей бескрайний непостижимый космос, я и есть «звезда». Иду по тайге, ее непролазной крошечной темноте, но сейчас являюсь «звездой», дрейфующей по бескрайним мирам, тайга не сдерживает мое сознание, и я владею этой стихией трех миров, в которых есть «я», и которые являются мною. Мир людей убивает, сковывает, не дает дышать, осуществляться, и что мне сделать, чтобы «быть»? Как? Как, если за века и тысячелетия все так дико перепутано, перекручено, и платится любая цена за «пустое»? Сочное живое настоящее утрачено и нет ему места ни в судьбе, ни в повседневности. Но тайга – все еще первородная жизнь, святая, священная, бескрайняя и щедрая... здесь все на своих местах, она все еще является мной. Сколько длился этот транс единения? Может, я вообще бы не вернулась из «бескрайности», а тело так и осталось бы бродить по лесам, но уже без меня? Возвращает на место шелест веток за спиной, пора вернуться на передний край сознания, такой нестабильный, такой не имеющий важности «там», но я должна быть «здесь»... Ветки расступились, облило светом фонаря как ударом, закрепившим мое сознание в одной точке «тут».

Ну вот, это Женька примчался исполнять свой долг, выволять из леса оскандалившуюся пионерку, сам бы не потерялся, горе-таежник:

– Совсем сбрендил в тайгу ночью одной уходить! Ты о чем думаешь? – засвеченное лицо было сердито трогатель-

ным, он сам был рад, что нашелся.

– Не перегибай, я тут с шести лет шатаюсь и ни разу не терялась, то ли ассимилировала, то ли с компасом родилась...

Мы двинулись строго к лагерю, причем вела Женьку я. Вот, дурной, реально потерялся бы, а у нас тут и медведи, и рыси, и еще чего только нет, вот кто из нас взрослый!

– Так не бывает, снова выпендриваешься! – сказал Женька, он мне не верит.

– Выпендриваюсь? Так это комплимент, думала, я не умею такого! Спасибо, очень уместно! Но я не выпендриваюсь, правда, никогда не теряюсь. Мне лет шесть было, когда я сюда впервые попала, родилась в Москве, городской студенческий ребенок, я и леса-то не видела, зарослями считала кусты в «пансионате», а тут такое! У меня было ощущение, что я фея, а это мой дом, и я полетела деда своего и его сестру близнеца искать, они пропали где-то тут. И, конечно, меня потеряли тогда, прочесывали лес, помню, как я испугалась, когда увидела всю эту суету, что устроила...

– И когда тебя нашли? Как ты не погибла? Сколько тебя искали?

– Нашли? Ты что? Сама пришла, когда стало темно, ничего не было видно, вот я и вернулась. Ничего я тут не боюсь, может, поэтому не теряюсь?

– А чего ты боишься?

Женька шел гораздо медленнее, чем я, все своими шлепанцами за все подряд цеплялся, поцарапался, замучился,

но виду не показывал, видимо привык физический дискомфорт преодолевать. Или меня не хотел разочаровать? Но вообще-то любой крутой дядька в такой непролазности замучается, тут тебе ни тропинок, ни опушек, сплошные заросли, настоящая чаща, глядишь, с тесаком идти и пробивать проход было бы сподручнее, но меня ветки отчего-то не бьют и не задевают, то ли я такая эластичная, то ли конфликта с природой у меня нет.

– Людей... Не всех конечно, только некоторых, злых, глупых, заикленных на «внешнем», словно ничего больше нет, которые только «тут», «тут» и никогда больше, такие раковые опухоли... Страшнее ничего нет.

– Это так...

– Странно? Так нечего было за мной ходить и спасать, сидел бы себе у костра! Егор же не сорвался? И никто не сорвался...

– Кстати, почему?

– Потому что я странная, и все кроме тебя это знают, и меня искать себе дороже! Сама вернусь... Все привыкли, такая я местная «дикость», издеваться над этой особенностью перестали даже самые стойкие издевалыщицы. Ну и потом, я бываю очень полезна!

– Да уж, такое «не пропьешь»! Надо же, не поверил бы... я заблудился, пока тебя искал.

– Дурной! Это тайга! Кто тут в сланцах ходит и с одним фонарем? Хоть бы факел взял, зверье на огонь не полезет.

– Ну, ты-то вообще без всего!

– Говорю же, дед у меня тут со своей сестрой пропал, и еще четверо ребят, экспедиция у них была, и я родилась с генетической памятью, бабушка до сих пор деда ждет... Если детей с такой молитвой рожать, так они хоть в космос без скафандров полетят! Знаешь, какая у меня Зоя крутая – до сих пор на Ермак забирается, а ей под шестьдесят уже, если такой человек со всего духа чего-то желает, то горы расступаются! Деда, конечно, не вернешь, но причину его смерти бабушка во мне напрочь нейтрализовала.

– Так не бывает...

– У тебя есть другие объяснения? Или моя ориентация в елках уже не свершившийся факт? Может, и не бывает... Но ты сейчас примешь душ и пойдешь спать в тепле и уюте, а мог валяться покусанный в овраге, ну или просто круги еще три дня нарезать, пока егеря не найдут! Факт? Пока, спаситель, и спасибо, все-таки это приятно, что ты пошел меня искать...

Мы с Женькой расстались у жилых комнат, он был очень замучен, и я тоже пошла спать в уже сопящей темноте. Все давно вернулись с костра.

Глава 3. Открытие лагеря

На «зарядку» встать не было никаких сил. Сколько я спала? Часа два? И что это за ночь такая бестолковая? Кому такое надо? Нет, пора что-то срочно менять в своей судьбе, решительно, веско, и у всех на глазах, чтобы все сплетники мои истории видели и мне же их потом рассказывали. И пусть это будет роман с зашибенным парнем, Кирой, например, и плевать тогда на паршивцев. Растрепана я была неприлично, но Кира же в «спортивном», а нравится тут, кому попало, я вообще не хочу! Наташка хихикнула, глядя на меня: дра-ные шорты, пацанячья майка, волосы собраны на макушке в полный бардак, щеки помяты, потому что спать надо было больше, и губы покусаны... Ну это я сама себя вчера кусала от нервов.

– Колись, целовалась? С вожатым! Вот ты развратная! – ее довольное лицо не соответствовало замечанию.

– Наташа! Он заблудился! Он был напуган! Не очень-то романтично... Кто его вообще в лес отпустил? Не целовались мы, да он мне вообще в этом плане никак!

«Нельзя новичка так беспечно кидать в тайгу, он чудом на меня вышел», – думала я про себя.

– Всем «как», а ей «никак»! Да никто не заметил, что он пропал, потом уже догадались, что он за тобой пошел, но тут такое было, не до Женьки! – Наташка опять хихикает.

– А эта акула где? – я заметила, что Алены нет, койка ее даже не была расправлена, видимо сделка прошла удачно, но только Валевский продешевил, я не воспользуюсь таким выкупом.

– Да я же тебе рассказываю! Когда ты прооралась, на крики прискакала Бабочка, и что ты думаешь, она сделала? Она разбила Савицкой нос и волосы ей повыдергивала! И эта Бабочку в ответ потрепала! Теперь в медизоляторе и та, и другая!

Ну и дела...

– Они там не передушат друг друга? Опасно, две хищницы в одном помещении... – ну все, теперь можно успокоиться, про меня все забыли.

– У Таи не забалуешь, она им «сонники» поставила! Как тебе сезончик? И это был только первый день! Круто?

И стало весело, мне передался Наташкин лихой нипочемочный настрой, и мы побежали на зарядку. Да уж, Алена не должна была так беспечно скидывать Бабочку со счетов, та Валевского всем телом охраняет!

После завтрака я и думать не думала идти на репетицию нашей команды. Ни за что! И Наташка наотрез отказалась участвовать в Аленкиной программе, так что время мы проводили вместе. Сначала проведали моих подопечных в «малышовом» отряде, они тоже готовились к «Открытию лагеря» и очень волновались за свое первое выступление. Так

что мы с ними порепетировали вместе, потом много дурачились, валялись на полу, орали песни и играли в «ручеек» на «любовь», они такие все забавные, и от общения с малышами всякие гнусности совсем забылись. Дальше мы отправились в «Спортивный лагерь». Конечно, среднестатистическому пионеру, коим являюсь я, нельзя «по регламенту» шляться по спортивной территории, ну не положено серьезных спортсменов отвлекать от тренировок, а Наташке Ким можно все, дурного слова никто не скажет, только будут вежливо здороваться и спрашивать подхалимно, как ее дела. Все потому, что Наташкин отец сверхтоварищ всем товарищам – Боря Ким, второй по важности человек во всем этом таежно-малахитовом хозяйстве. Так что мы с Наташкой в наглуую, если верить «регламенту», уселись на трибуне, что напротив тренировочного поля, и совсем уже неприлично пялились на разминку хоккеистов. Тренер Щедрин ребят гоняет в холостую, лед в крытом стадионе пока не залили, а нам без разницы, где на хоккеистов смотреть, нам себя деть некуда! На поле были все, и Толик Уткин, и Митяй, и Антон Горленко, и главный персонаж для меня – Кирилл Железняк. Он носится с мячом как ужаленный, сложившись своей долговязостью вдвое, каштановые волосы стоят дыбом в ветряном порыве, улыбка в «ямочки», он такой весь страшно опасный для девиц обаяшка. Но девицы западают упаковками на Антона, этого ветродуя глазасто-блондинистого, он ниже, коренастей Киры и владеть собой в игре ему явно легче, а такого запала

страсти в нем и подавно нет. Вообще-то классных парней в одном месте неприлично много набралось, поэтому судьба не стремилась нас с Наташкой развращать, в западной стороне у турников и брусьев резвились гимнастки, фигуристки и дальше на кортах в теннис играли исключительно девицы. Вот на этих красавиц в коротких плиссированных юбках и любовались все до одного игроки на поле, а вовсе не на нас.

Особенно выделялась Ольга Караулова, она швыряла ракеткой не мяч, а всю свою, прямо скажем, безмерную сексуальность с шумным придыханием, на поле в этот момент повисала немая бездыханная тишина ею покоренных силачей, и пока она так ухала, игра у хоккеистов предательски подвисала. Караулова отпрыгала гейм, взяла полотенце, воду и, сияя длиннющими, солнцем опаленными ногами, открытой улыбкой во все лицо, белесыми на просвет лучистыми волосами, собранными в мокрый пучок, подошла к нам. Невыносимый человек! Чувствую, начала улыбаться ей в ответ еще за версту как редкая идиотка. Наташка такая же глупышка, она тоже ужасно ей рада. Караулова на весь сезон нас без парней оставит, а мы такие счастливые! Но ее невозможно не любить, невозможно не улыбаться вместе с ней, она радуга-человек, уверена, что и в темной комнате все в ней немножко светится. Оля подошла, чмокнула меня, тиснула Наташку, обдуваясь полотенцем уселась устало рядом, а парни на поле наконец стали бегать резвее и мускулистей на радость тренеру.

– Вы чего тут? У вас же «Открытие» на носу? На кого мы смотреть будем? – она налила воду из бутылки себе прямо на лицо, та потекла по шее на майку. Оля на это не обратила внимания, а парни на поле умерли.

– Да Аленка Сашку в команду не взяла, а я теперь ее программу бойкотирую! – Наташка лихо стеганула волосами, пустив солнечный блик на поле в кого-то для нее особенно-го, и я пока не понимаю, кто это может быть.

– Вот, стерва! Капитанский зачет три года по твоим текстам сдает! Совсем совести нет! – Оля резко сменила позу, перекрутив лихо ноги по ветру – парни ожили.

– А ты откуда знаешь? Про тексты... – я забыла о тактиках соблазнения и уставилась на нее в недоумении.

– Так от Валеvского, он давно просек эту ситуацию и был уверен, что Савицкая в команду тебя возьмет, как только ты будешь готова, а тут такое!

У меня внутри все рухнуло, Валеvский говорил вчера ее словами, даже интонация та же, так что получается – постоянная подружка у него есть и давно.

– Но ты не переживай, Алена ваша провалится... – добавила Оля, и ее осведомленность задела меня за самое живое.

– Почему, она давно «капитан», всех все устраивало! – я не жду провала Алены, вообще ничего не жду.

– Она провалится, я чувствую, злая она, должна провалиться! Пошли к нам на ужин, у нас жратва круче и кофе есть!

И это единственное что способно меня сейчас спасти от тоски.

Под предводительством Карауловой мы устроились в столовой «спортлагеря» и нас без проблем накормили, увидев Наташку, потом мы долго пили кофе, что роскошь не только для пионерки, но для любого советского человека. Не понимаю, как я могу обычно обходиться без этого копчено-горького взрыва внутри, особенно когда съедает грусть-тоска? Где его все берут, этот кофе? Неужели нужно стать лидером «компартии», чтобы получить доступ к кофейным закромам? Зал столовой заполнился хоккеистами, все умытые и ухоженные, видимо собирались тщательно, привели себя в порядок по всем пунктам бабушкиных советов, с белыми воротничками, приглаженными губами, наглаженными стрелками на рубашках и штанах, все забрызгались парфюмами так, что заграничный духман накрыл всех с головой. Неужели это все ради нас, конечно, с тем учетом, что мы с Карауловой?! Через минуту вокруг нашего столика собралась куча-мала – парни решили сесть к нам все сразу, стало слишком тесно и очень весело!

Мне нереально дикорадостно, наперебой все что-то спрашивают, и совсем не успеваешь никому отвечать, как сыпется новое внимание, а его перебивает следующее. Сейчас лопну от искр, что мы тут назапускали кругом своим общением, чувствую себя вновь рожденной, и это какой-то

другой мир, высокочастотный, звонкий, светящийся, и я совсем не хочу покидать его. Не помню, над чем мы хохотали всю дорогу, смотрел ли на меня Кира или кто-то еще, это было неважно, важно, что оголтело-радостны мы были все вместе и сразу, это не счастье на одного, оно общее, и испытываем его мы всей толпой, разом! И не важно, какая я, какая Оля и Наташка, все «от себя» утратило важность, никто никого не соблазнял и никому на показ не нравился. Самое неожиданное несбыточное, неестественное в наши дни переживание коснулось меня. Как такое случилось? Так уже бывает? Такое возможно? Неужели этот «ангельский, высокий мир» не где-то там, в далеком будущем на подмостках вселенных, а прорвался к нам, он уже в нас? И теперь достаточно собрать в одном месте много светоискрящихся, счастливых по своей сути людей, как сходу они рожают «купол» своим общим существом, который и несет всех к месту назначения? Прямо в рай...

И это состояние, словно я вибрирую на грани самой высокогорной ноты, исполненной под сводами самого верхо-ярусного храма, не покидало меня и по дороге в наш лагерь уже поздней ночью. Провожали нас с Наташкой Митяй, Кира, Антон и Толик, идти не так чтобы далеко, лагеря все-таки сосуществуют забором в забор, так что, добравшись до «первого» корпуса, мы провожались еще час на нашей веранде. Видимо сильно мы искрились и шумели под окнами, и когда, наконец, вернулись в отряд, то столкнулись с глупо-

ко-молчаливым осуждением коллектива, который, конечно, ни фи́га не спал, занимался своими делами и заодно не одобрял наше поведение. Ну и славно, а то моей репутацией пора монастыри обкладывать, а теперь все, оскандалилась, обросла сплетнями и связалась с толпой хоккеистов! Какой ужас, выдуманный искусственный рай мне больше не маячит и не грозит, такую «нахалку» туда никогда не пустят! И, не видя на самом деле никого, как пьяные, все еще обсуждая какие-то бестолково блестящие темы, мы с Наташкой протекли сквозь коллективное бессознательное и завалились раньше всех спать, а назавтра, плотно занявшись игнорированием фестивальной программы, мы снова легко потерялись в «Спортивном», выпав из всех отрядных историй на три беспечных дня.

«Открытие лагеря» – мероприятие серьезное и ответственное, понаехали начальники и важные номенклатурные личности всех мастей, но к этому делу нас с Наташкой припахать никому не удалось, и в кои-то веки я прогуливаю столь важное событие. Егор стойко охранял мое детство, как и обещал накануне, даже не пытался чем-то нагрузить, а Викиша в эти дни не смогла на меня наткнуться, как она привыкла это делать, все время я проводила на неподвластной ей территории соседнего лагеря. И только вечером, после ужина в «спортивном» вместе с хоккеистами, гимнастками, теннисистами мы появились на «представлении» как насто-

ящие гости! И «актовый зал» нашего лагеря под большим шатром уже не вмещал всех желающих, такой толпе спортсменов устроиться кучно не вышло, пришлось распределяться по еще просвечивающим и тут и там не занятым местам.

Наташка с Митяем полезли на «галерку», что висит очень низко над головами маститых вип-гостей, там устроились и «малышовые» отряды. Антон Горленко хоть и был обожаемым сыном своей матери, проигнорировал услужливо оставленное ему место рядом с Викушей, решил составить компанию мне и Кире. Протиснулись мы вместе почти к самой сцене, там за колонной есть хитрый глубокий уступ, куда можно забраться с ногами, устроились как монгольские шаманы, подтянув под себя ноги – видно все как под стеклом: и сцену, и первые ряды, часть «галерки», и даже «закулисье». Справа от нас на самых почетных местах восседают шефы лагеря: во главе Меркулов, справа от него Борис Ким, Наташкин отец, слева Игорь Валевский, соответственно отец Ромки, рядом с ним Викуша, дальше еще кто-то, кого не знаю, но, видимо, тоже важный, раз тут, на первых местах устроен.

Глядя на Валевского-старшего легко понять, откуда в Ромке порочность, так необратимо влекущая женские организмы, это явное наследство отца. Игорь Валевский смазлив до неприличия киношно-костоловской притягательностью. Викуша практически под руку с ним и уже вся размазалась в его ауре, не натянута как обычно режущей струной. Отец Наташки Боря Ким – разительная противоположность, он ниже

и коренастей, но так упруг и собран, что выглядит чуть ли не выше и свежее сорокалетнего Игоря, хотя разница лет в десять между ними есть наверняка. Вот что значит благоразмеренный, неразвратный образ жизни серьезного начальника и внимательного отца! Это я к тому, что Валевский «старший» зажигает круче «младшего», сплетни о его романах регулярно перетекают через заборы «Пансионата», где обитает старшее номенклатурное поколение. Территория «для взрослых» отгородилась от детского лагеря только лысеющим пролеском, завернулась за восточный холм; обустроенная она скорее как «альпийская деревня», а не сибирско-русский сруб, такие красоты только на картинках «про границу», и, конечно, туда детям вход «воспрещен». Но, в конце концов, все знают про всех все; происходящее в трех наших мирах-лагерях перемешивается и становится общей историей «Тайги».

Пристальнее других выделяется Меркулов: и своим жестко-добреющим лицом, и статью человека «без возраста», словно потерявшего связь со своим поколением, деду «Тайги» стукнуло семьдесят, но с годами он не теряет жизненного заряда, не скукоживается, как это принято у стариков, а словно растет обратно. Сейчас он выше всех в ряду не только плечом, возрастом, должностью, но и всем теловыражением, мимическим отпечатком своего «большого я» – высок, широк, могуч; он для меня с детства стал воплощением местных историй-легенд о деревне «староверов», что

якобы стояла на месте нашего лагеря. Затерялась деревня в лесах, от всех потрясений цивилизации спряталась, пережили старoverы и революцию, и Великую Отечественную, и еще неизвестно что. Кто знает, сколько веков они тут обитали? Но старoverы ушли сразу, стоило появиться ссыльным каторжникам, которые помирали «вагонами», строя «урановый прииск» в нечеловеческих таежно-смертельных условиях. Не знаю, какие они могли быть, эти старoverы, может, как самые обычные крестьянствующие люди, но мне всегда кажется, что Меркулов один из них, именно так должен выглядеть «герой легенд», если вдруг попадет в наш мир.

Напротив меня в софитах светился приступок звукорежиссера, на котором как прыщ на лбу высвечивался Ромка в наушниках и с полным отрешением на лице, он был поглощен процессом налаживания звука в этой шелестящей, шепчущейся людской густоте. Мне понятно, почему Ромка живет с дедом Меркуловым, а не с отцом Игорем, и я хотела бы быть воспитана героем, а не похотливым самцом, вот только прока из этого не вышло, судя по всему, он сын своего отца, а не воспитанник деда.

Внутри меня стоял ком, где-то в районе подреберья: я не ждала провала Аленкиной программы, с чего вдруг – она опытная капитанша, так еще и ставки такие, азарт, она расцветает, как правило, в зоне конфликта; и наше мнимое на самом деле противостояние – я-то ничего не успела противо-

поставить, у меня и шанса не было, – должно пойти процессу только на пользу, но я тряслась от страха, сама не понимая почему. Чего я боюсь? Почему меня трясет? Но свет погас, и все мое внимание поглотилось сценой. Сначала выступали средние отряды, прорастающая смена, они явно готовились занять наши места и разогревали свои жилы перед будущим броском, им со следующего сезона предстоит команду лагеря представлять, раз мы все «выпускаемся» в этом году. За ними вышли творческие коллективы, коими буйно цвел наш лагерь, кого только нет – и танцоры из «Орленка», и хор «ЦДП», и класс «пантомимы», и «театральный кружок», и так два часа подряд сижу и всем завидую: у них все впереди, а я свой шанс точно уже профукала... И уже перед самым выступлением нашего отряда в темноте появился Егор, к нам пролез через толпу, притулился мне в ноги, притянулся к уху, шепчет:

– Веришь, я и не видел, чего они там навыдумывали, первый раз за десять лет допустил такое кощунство! – он остался рядом, облокотился о колонну беломаечными плечищами мне в нос, от этой близости я испытала странную неловкость, а в детстве могла хоть на шею к нему залезть...

Команда «Первого» наконец вышла на подмостки и преподнесла публике классический «студенческий капустник», он был очень даже неплох, с прибаутками и песнями про пионерлагерные дела. Всем понравилось! Понравилось ли мне? Не скажу, я совсем не в этой «теме», я так долго готовилась и

не предполагала, что случится такой конфликт, уничтоживший сам шанс увидеть мою идею олицетворенной. Мне больно, у меня случился «выкидыш», столь ожидаемая жизнь так и не увидела свет... я просто не знаю, хорошо ли то, что получилось у Алены или нет! Я не знаю... Пусть даже не с моей подачи, но я была уверена, что все, что придумаю, будет осуществлено, и я своими глазами увижу, как это все работает, как это все живет и дышит – это для меня важнее, чем признание, жизнь важнее мечты, а так я ее угробила, эту жизнь... Все, что я придумала и создала, никогда теперь не случится.

В программе значился еще «последний номер» и, как правило, это выступление «малышового» отряда, они такие маленькие, забавные, их проигнорировать никак нельзя, им нужно дать дорогу, поэтому именно «двенадцатиотрядников» все поздравляют в этот день как первоклассников в школе. Это их День! Выступление малышей не было для меня сюрпризом, я же их готовила, только на «генеральные прогоны» в «актовом» мы с Наташкой не пошли, чтобы ни с кем из наших вообще не пересекаться! В финале Соня Морозова, девчушка, с которой мы заружились еще в автобусе при заезде в лагерь, спела песню, доставшуюся мне от мамы, где-то мама ее откопала, и за столько лет песня так и не попала в «дело», а тут такой удачный случай. Песня называется «Японский журавлик». Соня владела уже поставленным го-

лосом, видимо, занималась лет с трех, это песня-история про детей Хиросимы и Нагасаки, японских городов, пострадавших от «ядерной бомбы». По замыслу Соня выпустила в зал огромного бумажного журавля, и завершили куплет малыши уже хором, всем отрядом, отпуская в зал ворох оригами. Мы крутили их вместе с ребятами из «спортивного» все три дня накануне как ненормальные. Не знаю, в чем тут было дело, скорее всего в сильном голосе и одухотворенности темы, может, еще и в том, что это мамино наследство, наконец-то мною реализованное, но меня прошибло от макушки до пола волной сочувствия к пострадавшим детям в далекой стране... Именно так – вдруг забылось обо всем своем! Мелодия стихла, потом зал грохнул аплодисментами, свет включился, и стало видно, как у большинства гостей вышибло слезу... слеза по невинным, по тем далеким-близким японским детям, по моей маме... Представление на этом не закончилось, дети «двенадцатого» вышли на аплодисменты кланяться, а Соня выдала в микрофон:

– Хочу сказать спасибо Саше Зарецкой из «первого» отряда, это она нас подготовила и нашла такую песню, которую я всю жизнь петь буду, я теперь звезда!

Прозвучало это нескромно, но оттого более трогательно, и публика начала еще больше умиляться, ну, конечно, Соня теперь звезда, а весь малышовой отряд стал скандировать мое имя, и я не понимала, что происходит, что мне-то делать? А Егор, не раздумывая, перекинул меня с приступка на сце-

ну, и через секунду я уже стояла и кланялась всем как маститый культурный деятель! Опять случился «перевертыш», только в обратную какую-то человеческую сторону, словно спираль пошла возвращать себя обратно в исходное состояние, к первоуродным истокам... стояла я на сцене в полном обалдении! И когда после длительных оваций я наконец-то слезла в зал, все кто проходил мимо поздравляли меня и говорили «спасибо»... Такое вообще бывает? Где я? Соня сказала, что только благодаря мне она теперь «взаправдашняя» звезда, сказала это лично и обняла, уткнувшись мне в пупок, я к ней нагнулась, чмокнула крепко и едва сдержала слезы, ну я правда еще никогда такого не чувствовала, и ведь дело не в этом шуме, а в благодарности, которая окатила меня, вернув нечто бесценное, давно утраченное. Пора дать себе пощечину, чтобы я очнулась от этого сна! В том же состоянии, через тянувшихся через меня, благодарящих людей, вышла на улицу, не осознавая реальность. Площадь в сумерках полна народа, стоят плечом к плечу, многие с бумажными оригами в руках как с цветами, хотела я найти кого-то из своих, чтобы спрятаться от обращенных на меня отовсюду глаз, а увидела Алену... Она неслась на меня в ярости, увеличиваясь в размерах:

– Ты, мелкая подзаборная тварь! Как ты смела так поступить со мной? Как ты посмела! Кто ты и кто я? Ты на кого замахнулась? Да я тебя раздавлю! Отомстить мне решила? Мой успех забрать? Я тут пашу, пашу, а ты все на себя за-

крыла? Хитрая тварь!

Все это время Алена своим мощным торсом и хлопками в плечи выталкивала меня к краю террасы, я не могла сделать ни одного ответно-сопротивляющегося движения, как тряпичная кукла, из которой выбивают последний дух. И уже уперлась в ограду спиной над наклоном в обрыв, когда сзади руки ей скрутил Ванька, а за ним подбежал Егор. Алена орала, дергала ногами, а ее тащили прочь от меня. Ну вот, это я понимаю, истинный вкус успеха должен быть не только с эйфорией, но и с мордобоем. от Алены ничего другого я и не могла ожидать, а так всё на местах.

Викуша в окружении «первых лиц» нашего таежного мира держит стопы в мою сторону, встала рядом с героями с «первого ряда» и молчит, кротко придерживая шальку, вот и еще один «перевертыш» на сегодня! Говорит «старший по званию», а Виктория Павловна просто тихо гордится своей воспитанницей, то есть мною. Валевский-старший, Боря Ким, Щедрин, Полушкин и еще пара-тройка директоров из «нижних» лагерей тоже уставились на меня, молча, а Меркулов с раскатисто-утробным звуком произнес:

– Вы, Александра, всех нас удивили и потрясли: и выбором материала, и постановкой номера, и девочку разглядели невероятную! И, надеюсь, мы еще увидим в этом сезоне вашу работу? – потом он долго посмотрел на меня уже без официальной дистанции. – Ты дочь Лизы Зарецкой? Наслед-

ственный талант... – он взял меня за руку и пожал за кончики пальцев, словно это и его утрата тоже...

И они ушли... Это слишком хорошо?

Наташка шла ко мне спиной, все еще смотря этой важной делегации вслед, потом с прискоком развернулась:

– Офигеть! Офигеть! Ты только представь, ты теперь можешь делать все! – она всплескивала руками, словно ей в руки нападали подарков мешки.

– Так кто сказал, что Викуша мне программу отдаст? Это еще ни о чем не говорит! «Это ни о чем не говорит», – думаю я.

– С ума сошла! Тебя Меркулов отметил! Она теперь тебе сама «красную дорожку» расстелет и еще впереди бежать будет! Это же иерархия власти! Вот, глупая! Такое надо срочно отметить, и так, чтобы снять с наших ощущение провала, а то они еще дуться начнут... Ну их! Срочно организуем «бутылочку», срочно! И все сразу забудут о кислых моментах! Сердечные дела превыше всего, это закон! И ты играешь! Железно!

Наташка хихикнула и убежала, намекнула на того, с кем я просто обязана сегодня поцеловаться, «а то парень ни на что не решается никак» – это Наташкины слова, не мои. Так, может, Кира тупо не хочет ничего со мной? Придется рискнуть и играть в эту немислимо глупую пионерскую игру, сколько можно в «нецелованных» ходить?

Вернулся Ванька, захватил меня собой со спины, закры-

вая от каких-то неведомых напастей:

– И как тебе финал? – он переместил меня себе под правое плечо, где я пропала с головой.

– Кого ты имеешь в виду, Соню или Алену! Хотя и то, и то понравилось! – ответила я вполне искренне, мы, не торопясь, двигались в корпус.

– Тебе понравилось, как тебе Алена натрескала? Ты мазохистка? Я имел в виду Меркулова – это значит ты в работе! Теперь ты крутышка, а не лузер!

– Не мазохистка я, реакция Алены логична и предсказуема, значит, все уже утряслось, есть ощущение «законченности», а то сидела бы сейчас и тряслась, ожидая ее выкидываний! Где она?

– Представляешь, Викуша ее «в люкс» поселила, бассейн там, массаж, чтобы она успокоилась. Ты представляешь?! Да ее надо отшлепать и поставить в угол, а Савицкую в «Пансионат» определяют! Звезда хренова! Почему ты вообще должна бояться ее реакции!? Да я ей лично голову оторву, если она только близко к тебе подойдет! Пусть переселяется на хрен от вас!

– Раскомандовался! Что она мне сделает? Остынет и начнет общаться, как ни в чем не бывало!

– Ты ее еще и в команду возьмешь? Совсем уже?

– Кто сказал, что программа моя? И да, возьму, я же ее подставила... Случайно, но это факт.

– И она тебе еще «говна» навалит ведро!

– Самое слабое место Алены, как выяснилось, Валевский, а не «капитанство», так что утрясется...

– Спасибо скажи этому Валевскому, он Соньке твоей голос поставил, и вообще возился...

– Да ладно, прямо-таки возился? Спасибо! – я в недоумении, но Ромка же ждал справедливости и Карауловой о том долго рассказывал.

– Ты ему это скажи, а не мне! – настаивал Ванька.

– А вы разве не «одно целое» с некоторыми пор, а то он тут «выкупы» за тебя отработывает, вот и «спасибо» ты получай!

«Ну а что, разве не так», – резонно замечаю я про себя.

– Слушай, я сам в шоке был от его засоса с Савицкой на костре. Что это, блин, было? Но знаешь, у тебя тоже странностей навалом, будь добрее и скажи: «Спасибо, Рома», а то мне за тебя стыдно будет.

– Обалдеть, я оказывается и твоя воспитанница, и Викушина, и Валевскому должна! Осталось с Мухой в засос поцеловаться и можно помирать!

– А причем тут Муха-то!?

– Да если он мне в «бутылочку» выпадет, сразу сдохну!

– Так не играй!

– Иди ты, Ваня, знаешь куда!?! Вам с Валевским можно то, что вообще нельзя, а я в дурах хожу! Если что пойдет не так, просто врежу!

– И тогда весь сезон никто к тебе не подойдет. Кому охота схлопотать разбитый нос ни про что? Меня-то такой вариант

устраивает, а то волнуйся за тебя...

Поднявшись на второй этаж, в холле мы застали готовую свалку желающих играть в «бутылочку», и как это можно осуществить, когда участников так много? Собрались вообще все, кто хоть как-то мог проскочить по определению «тинэйджер», даже из второго отряда ребята затесались. Открытие сезона! И всем надо разобраться в своих чувствах и пристрастиях, нащупать податливость ситуации, идущей навстречу, или зафиксировать «тупик» и не тратить себя на «пустое» вовсе – время с этого дня не просто полетит, а исчезнет, и следа не останется. Конечно, я считаю эту игру глупой и вообще не понимаю, зачем соглашаюсь на эту авантюру, будет невыносимо, если до меня дотронется не тот человек... Мне страшно! Но непременно нужно снимать с себя эту паутину неприступности, а то и понять нельзя, нравлюсь я Кире или нет. Может, он просто боится этой моей девственной отморозенности? И я делаю этот шаг в будущее так, словно иду на экзекуцию, для меня это непоправимая сделка с совестью! Совесть такая, она мне еще устроит за такие выверты, не оставит в покое, если что не так пойдет, будет напоминать о проступке в самый неподходящий момент, например, меня как-нибудь стошнит на кого-нибудь уже важного для меня... Но я готова идти; если движение вперед остановится, я просто не выдержу эту внешнюю пустоту, когда внутри меня уже начались погромы, не могу я

больше ждать не пойми чего!

Конечно, было бы намного логичнее играть в эту игру компанией поменьше, очередь в такой толпе желающих может так и не настичь отдельного игрока, на что я тайно надеюсь, может, мне и «не выпадет» целоваться, но коллектив отметит, что я уже «того», в игре, выросла значит. А весь замысел в том и состоит, что все собираются друг другу на глаза, и всякие оттенки поведения, даже малейшие жесты, могут потом повлиять на будущие романы, и на меня это повлияет; всем теперь ясно, что я и не отмороженная вовсе, и со мной можно «мутить». И тут важным становится все. Кто напротив кого пристроился? Кто на кого пялится, ожидая случая? Короче, у всех есть какие-то свои пределы и барьеры, которые сегодня можно мягко устранить, при этом «не вскрываясь» до конца и не обнажая свои истинные чувства. Так и сбежался сюда уже весь лагерь, и правила усложняются: ведущий не только крутит бутылку из-под шампанского, но и объявляет ряд выпадающей пары, так еще и стрелочку нарисует на полу для сомневающихся! Ведущим вызвался быть Женька, ему с нами играть вроде как аморально, а участвовать охота:

– Первый ряд на третий, – объявил Женька и крутанул бутылку, ну правила все знают, у нас в «совке» нет тех, кто не играл в пионерском прошлом в эту игру.

Мы с Ванькой зашли в зал уже позже всех, и под меня точно никто не подстраивался, забравшись в угол и сев на

тумбочку, я намеревалась там отсидеться; мне и так неловко, а тут еще и место надо особое выбрать, чтобы выпало на Кирю! Участвовать, не быть в очередной раз высмеянной за лужерство, избежать репутации «недотроги» и при этом остаться при своем, «нецелованной» – вот мой план, раз «по уму» не получилось! Нет, ну правда, я собиралась быть «целованной» только одним парнем и он от меня чёрт те где сидит – тут без шансов, другие перескакивают с места на место, но я пока на такое не решаюсь, «волчок» завелся, и все застыли:

– Женька, а если на тебя выпадет? Ты в игре? Я очень «не против»! – это Пенка инициативу проявляет.

– Настучит кто-нибудь «добрый» вашей Викуше и останетесь без жолатого! – Женька сморщился перспективе и непонятно, что его смутило: Пенка с ее инициативой или Викуша со своей прозорливостью.

– Не настучит, тут не для этого все собрались! Железо и Караулова, целуйтесь, целуйтесь! – орет Муха.

Караулова привстала не до конца, сама подтянулась к Кире, и у них случился очень интимный поцелуй! Ну, он и не против, так что встреча с Кирой мне сегодня точно не грозит, да и интерес его уже очевиден, раз он сел напротив Оли.

– Ветров и новенькая. Как тебя? Марина Гудкова? Короче, давайте уже!

И так все завертелось, Ванька целовался с сестрой Митяя, потом Наташка с самим Митяем. Так вот зачем Наташка все

это затеяла!? Теперь я точно определила ее интерес и слава святым, что она выкинула этого Антона Горленко из головы! Несмотря на то, что он мой сосед по дому, я с ним практически не знакома, общались мы только в раннем детстве, а потом он мне стал казаться заносчивым и немного противным, хотя, конечно, в глянцевости ему не откажешь. Поэтому Наташкино увлечение Антоном мне было понятно, но неприятно, а последние дни мы вообще очень много с ним общались, и я подозревала, что у них устраивается роман. Надо признать, что это облако высокомерной спеси с Антона сдулось, вполне нормальный и веселый оказался парень при близком общении, а Наташка и думать о нем забыла! Митяй другой закваски, совсем другой, хотя не разобралась я в нем пока, держится он еще немного скованно, зажат, за этим «не разобранным» фасадом застенчивости личность еще плохо светится. Наверно и я со стороны такая же непроницаемая, блоками зажатая. Почему «младшим» быть так сложно? Нет, все же я сильно отмороженной Митяя, он вон как зажигает и целуется с Наташкой, никого не смущаясь, у всех на виду! Вот она моя роль – быть наблюдателем, это моя зона комфорта, и я втянулась подглядывать за всеми вместо того, чтобы наконец «быть», выпала из истории как обычно... Пока на меня не заорали!

– Зарецкая, выползай из угла, а то я до тебя не доберусь!

Муха требовал, чтобы я вышла! К кому? Глаза у меня круглые, сквозняком проветриваются, так я их тарашу от

ступора! Не врала я Ваньке, что боюсь Муху, в смысле целоваться с ним! Господи! Первый в жизни поцелуй с Мухой!? Катаклизм! Он же из «драконьей вселенной», а я из породы «прозрачных бестелесных» существ! Он меня вдохнет и не заметит!

– Выкупаю! – это что за хрень, сто лет такого не слышала, обычно никто не меняется, тут все ради экспериментов.

– Кого выкупаешь? – не понял Муха.

– Зарецкую выкупаю, буду должен! – это Ванька, я не сразу его голос расслышала. Вот зачем я ему про Муху ляпнула? Горелка меня сейчас живьем заглотит!

– Не-а, я понял, мне твой «выкуп» не подходит, я лучше с Зарецкой, – Муха открестился от Горелки, сидящей напротив Ваньки, и продолжил двигаться в моем направлении.

– Тогда я выкупаю... – ну все, парни вошли во вкус, «барахолка», блин!

Антон Горленко тоже решил выступить, только этого не хватало! Муха радостно смотрит по сторонам, ну ему эта ситуация дико нравится, может, еще кто поторгнется, дельное предложит? И народу процесс по вкусу, прикольно же, когда заварушка намечается!

– Не-а, Антон, она и так у тебя дверь в дверь живет, успешешь еще! – Муха уже вытянул свои ручищи, чтобы выдержать меня из моего угла, раз сам не пролезает, но за его спиной слышу:

– Давай, я меняюсь, обернись, прежде чем отказываться! –

это был Валевский. Сколько «спасибо» мне ему придется сказать. Он уже все Ванькины «выкупы» на себя берет? Ветров, понятно, не целовался бы со мной, так, «в щечку», впрочем, и Ромка так поступит.

– Беру, – отвечает ему Муха. – Только если сегодня «не выпадет», ты мне, Валевский, в принципе должен! – Муха закреплял условия, и уже отступил от своих намерений, убрал от меня протянутые ручки и уставился жадно на Караулову.

Валевский выявился из-за спины Мухи, я совсем расслабилась, раз это все фиктивно и на радость Ваньке. Ромка протиснулся ко мне, подошел вплотную, обойдя сидящих снизу, и никому наша с ним игра неинтересна уже, все эту «историю» знают, чего за нами наблюдать? И «волчок» завелся снова за его спиной, слышались выкрики и новые «выкупы», идея оказалась азартной и уместной. Сидела я на тумбе выше своего роста, Ромка уже закрыл своей головой происходящее, а мне охота было посмотреть, кто кого снова «выкупил», но он прижал мои плечи к стене, и мы оказались вровень, глаза в глаза, он не собирался отказываться от своего выигрыша. Было мокро и неудобно, глаза я не закрыла и просто смотрела на него, он тоже смотрел ясно и прямо, а когда закрыл... накатила жизнеобразующая волна. Волна не иносказательная, а буквальная, меня накрыло горячим суховеем, снова и снова от макушки до пяток, я чувствовала этот столб стихии, бьющей из атмосферы в земную кору, у меня

даже пальцы на руках онемели! Колыхались в потоке уже все миры и вселенные! Волной снесло не только парадную, заборы, дома, но и все города, что я успела между ним и собой построить... снесло все к черту! Сама я так и не шелохнулась, и стена за моими плечами была так же статична, он открыл глаза, а коллектив заметил, наконец, чем мы под шумок занимаемся, и все стали орать...

Но это было где-то там, далеко, а тут только он, очень близко, он подошел ко мне из «внешнего мира» и одновременно вышел и из «моей головы», из того образа, с которым я обычно имею дело. Это было странно и очень... привычно, как будто всю жизнь я только и делала, что целовалась с Валевским. Сейчас он занимает даже не то близкое пространство, что занял Ванька около меня, он еще ближе, где границ между телесным друг друга нет и не может быть, где «его» и «мое» это одно и то же. Мы всегда занимаем одно место. Знаю его как себя... лучше себя, знаю каждую пору, мимическую складку, морщинку, которых и нет еще, их еще нет, а я их знаю... Шея с особым рисунком, затылок под моей рукой, его руки на всем моем – я все это знаю! Помню все, я его помню, только его и помню. Он смотрит в меня, не обращая внимания на шум. Он знает? Он знает, что это я? Он знает? Сзади парни задевают его, Валевский меня придавил своим весом и отскочил как мяч, улыбается во все лицо, словно взял немислимый бастион. И центробежная сила уносит Ромку далеко, на тысячи световых мега лет, а я

там же, где была... Чему он радуется, типа, завоевал, что ли? Дурак, как можно завоевывать то, что и так твое со всеми потрохами и внутренностями, со всеми космическими весями и галактическими движениями!? И произошло это очень давно, а, возможно, он и не завоевывал меня никогда, так все и было, когда еще ничего не было...

Что это такое сейчас случилось? Вот понятия не имею и знать не хочу! Какая разница!? Куда все это девать!? Если в нем нет того же, если это не его «волна», а только моя, то все это не имеет значения, тогда ему ко мне и притрагиваться нельзя, я просто сдохну в другой раз, если он так баловаться вздумает! Да мне опасно в его игры играть! Волна все еще накатывает и накатывает, но выгиб энерговсплеска становится все ниже, болела поясница, горел осевой позвонок, словно его прострелили в бою, саднило меж бровей, как после укуса овода, меня обложило азотом, и холодный пар сопровождает мое космическое тело. Что мне с этими знаниями и ощущениями делать, если ему все это не нужно, если он и не знает ничего...

Когда с нами это началось? Со мной, с Ванькой, Ромой?

Ветров всегда был особенный ребенок, он аутист, человек, который «живет в себе», игнорирует внешний мир, он таким и был лет до шести, но когда мы познакомились, Ванька стал уже самым общительным и веселым, и только его нетривиальные способности к точным наукам остались от

аутизма в наследство. Как-то Ванька по секрету делился, что он до сих пор стопроцентный аутист, просто научился жить в трех мирах сразу. Сначала ему было просто незачем реагировать на внешнюю жизнь, внутри все было богаче и сильнее, он владел не столько космосом, сколько абстрактным миром, где сущее – это стихия форм и формул, движений вселенных и пространств, вывернутых буквально наизнанку. Это являлось для него настоящей жизнью, а внешний мир был блеклый, ограниченный и пустой. Семья Ваньки не потянула его «диагноз», такие семьи принято называть «неблагополучными», его родители считались среднестатистическими, средневывпивающими людьми, которые регулярно ходят на работу и тихо ведут себя дома, но такой ребенок был им не по плечу. Ванька жил в своем мире, родители в своем, так бы и тянулось, но он встретился с Ромкой, причем сам он точно и не помнит, как и когда это случилось, но в какой-то момент Ванька вышел наружу, и с тех пор они с Ромкой всегда вместе. Тогда Меркулов практически забрал Ветрова к себе, чему его родители были несказанно рады, конечно, номинально они у него есть, так и живут себе там же, но для Ваньки они очень дальние родственники.

Потом в жизни Ваньки появилась я. Это случилось, когда Ветров уже метил воплощаться в физически недостижимое совершенство, он был тот самый голубоокий, светлокудрый мальчик, взявший меня сразу за руку, как только я приехала в «Тайгу». Именно он мое первое сильнейшее впечатление

про это место, и, кажется, даже себя я помню только с этого момента. Моя мама привезла меня в «Тайгу», как только вернулась после учебы из Москвы, и записала в отряд к Егору, где все были меня старше, но это же был Егор, друг семьи; мама решила, что так будет лучше и безопаснее для меня, она сразу ударилась в работу, а я везде ходила за руку с Ванькой. Вот и все. И я спрашивала Ваньку, как так случилось? Но он тоже не знает, сказал, что я должна быть где-то рядом, всегда. Когда мы стали старше он мне рассказывал про свой аутизм, что видит и чувствует, когда бывает «там», чем очень мне помог, теперь и я знаю, как называется то, что происходит со мной – я такой же аутист, я живу в трех мирах.

Ромка Валеvский тоже был всегда рядом, на слуху, как далекий фон, но когда мне исполнилось восемь, мы сцепились уже втроем, как звенья неведомого нам процесса. В тот сезон все отряды отправились на «большой костер», организатором мероприятия была моя мама, его устроили достаточно далеко от лагеря, и когда все пришли на поляну, выяснилось, что меня потеряли. Мама думала, что я с Ванькой или Егором, они считали, что я давно на поляне с «младшими» отрядами, которых привезли на автобусе. Но вскоре выяснилось, что «вторая вожатая» нашего отряда просто оставила меня одну в корпусе, потому что я не переоделась в куртку и сапоги, а она не собиралась ждать такую капризную девицу. И никому об этом не сказала, просто бросила в лагере, а там еще ради экономии все освещение выключили, раз никого

нет; хорошо это помню, этот кошмар неконтролируемого погружения сознания в еще большее сознание, впервые испытала такое я именно тогда! А вожатуха просто не захотела открыть мне «чемоданную», чтобы я могла достать свои вещи; идти в такую даль ночью, по тайге в гольфах и сандалиях было «никак невозможно», видимо, она терпеть не могла мою мать и таким образом отомстила ей за что-то. И у нее получилось! Это самый труднопережитый день в моей жизни, весь лагерь в полном составе, в том числе и моя мама, были там, в лесу на костре, а я одна ночью в лагере осталась один на один с этими поглощающими меня мирами.

Ванька обычно смотрит «снаружи» глубоко «внутри» себя, а я из «глубины» во все стороны «внутреннего» мира, и только край сознания достигает мира «внешнего», и я держусь за него изо всех сил. И в темноте корпуса в какой-то момент я потеряла эту грань, где кончается один мир и начинается другой, место, где все это расплетается, я перестала понимать, «где» и «за что» мне держаться! Когда первый шок от «погружения» в темноту «большого сознания» прошел, я поняла, что мне намного уютнее быть «там», много глубже от «поверхностного слоя» и всех других «видимых слоев», «там», где нет ничего. Люди боятся прикасаться даже «к себе внутри», а уж к слою «черноты» хоть в себе, хоть в космосе – это уже запредельное, а для меня это – «мое место». Вот быть только на «внешнем крае» и разбираться в перекрученных, утраченных законах; временами я просто не

могу, это такое колоссальное перенапряжение, и оно постоянно губит меня, губит и губит, и я уже совсем не помню «себя». И вдруг я оказалась дома, так легко и просто, и не хотела я возвращаться, и я бы не вернулась...

Но они пришли за мной, Ванька и Рома! Стояли посреди темной комнаты и ярко светили в меня фонарем, и все вещи, миры и вселенные встали на свои места, я вернулась. И появилась эта граница, до сих пор ее чувствую, какая она хрупкая и условная, даже искусственная, но это состояние включилось и так и не исчезло, именно тогда появилось абсолютно белое «пограничное» пространство внутри меня, где с тех пор всегда есть «он», как «страж». Ромка всегда у меня внутри, всегда бдит и не дает уйти, пропасть где-то там, в глобальной черноте, он словно «из себя» создал этот «барьер», и это единственное, что я в себе не контролирую.

С тех пор «барьер» исправно работает, ведь до сих пор я здесь. Ромка и Ванька открыли чемоданную, я переделалась, и мы вместе пошли через темный-претемный лес с фонарем втроем. Ромка держал меня за руку, как и Ванька, и мы шли по тайге и по трем мирам сразу... знаю, что они видели и чувствовали то же, что и я; эта реальность – наше общее состояние. Мы были детьми и притворяться не умели, я знала про них все, тогда и поняла, что мне нет никакого смысла уходить – все, что мне нужно – здесь. Ванька так и остался со мной, а Ромку центробежная сила оттащила далеко, как и сейчас. Возможно, что-то слишком мощное и глобальное

не дает нам быть рядом? Может, наше время «не пришло», или это вообще невозможно? Кто знает? В моем мире нет буквальных знаний, а есть жизнь, которую можно постигать, рассматривать и жить... Зачем я пришла сюда? Есть ли в этом смысл? Знаю, что не могу так беспечно себя разрушить еще одним таким поцелуем, не могу... Меня очень беспокоит, как легко Ромка нарушил свой собственный охранный бастион, нарушил законы и границы и объединился с тем, что «внутри» и «снаружи», и стал «целым»! И «точка» этого объединения во мне, прямо во мне! Вообще ничего больше не нужно, весь мир в тартарары, и тогда я только с ним и ныряю в вечность... ВДОХ «Я», ВЫДОХ «ОН», ВДОХ «Я», ВЫДОХ «ОН».

Суэта игры кружилась где-то надо мной, меня никто не дергал, что стало спасением, чтобы прийти в себя мне нужно время, но я видела краем глаза, что Муха забрал свой долг, когда Валевскому выпало целоваться с Карауловой. Муха сделал это за него.

– На нас «не попадет» сегодня, мы неправильно сели, тут нужно быть опытным стратегом, какие-то дикие «выкупы», бред! Может, и без этой дебильной игры обойдемся? – Кира сел рядом со мной, только на подоконник.

– В смысле? – я еще не совсем ориентируюсь в реальном мире.

– Пошли завтра «на свидание»? Поступим как нормаль-

ные, без этого идиотизма? Я все никак разобраться не мог в ваших странных отношениях с Ветровым, но мне надоело разбираться! Он не твой парень, ты свободна? – Кира смотрел на меня, а не на игру.

– Ветров не мой парень и я свободна, в смысле завтра, ну и вообще кажется тоже...

Глава 4. Зарница

Утро стало испытанием на прочность. Викуша собрала всю команду в «актовом зале», а меня пригласила персонально. Алена уже ждала нас, села позади всей команды, я напряженно чувствовала ее присутствие, ее тяжелое сложно-накрученное состояние, обращенное против меня.

– Итак, по итогам вчерашнего выступления принимаю необходимое назревшее решение: Зарецкая берет всю «программу» на себя! – объявила Викуша, но все это и так знали, даже я.

– И что, она теперь «капитан»? – Пенка все-таки уточняет глубину моих полномочий.

– Да, Зарецкая «капитан»! Но есть условие, ты, Александра, непременно работаешь на сцене, сама понимаешь, иначе никак! «День Открытых Дверей» станет «премьерой» новой программы! Работаем! – а мне и так понятно, что «капитан» не может на заднице сидеть...

– И мое условие! Зарецкая «провалится», и тогда я все переделаю, и на «Фестиваль» мы повезем мою «программу»! Как вам такое, а, Виктория Павловна? – это Алена, понятная реакция.

– Хорошо, Савицкая, если «команда» будет к этому готова; они же не погремушки, чтобы ребят из программы в программу за три дня перекидывать! – Викуша сказала «да», как

«нет», и разбираться не собираюсь в этих нюансах.

– Да с ней никто работать не захочет! – Алена гнула свое.

– Это с тобой... – огрызается Ванька.

– Алена, если я только узнаю, что ты устраиваешь саботаж, ноги твоей в лагере не будет! Это не твоя частная война, ясно!?! – Викуша уже начинала вибрировать.

– Алена, оставайся с нами... – это уже я.

– Во дает! – это Муха.

– Да пошла ты! – Алена подскочила и ушла.

Ну что, пора действовать, раз так нарвалась! Поехали! Вытащила я себя со стула только волей, но мне пора забыть о себе, села на сцену лицом к команде – передо мной двенадцать участников, сижу и смотрю на каждого, молчу, и это всех нервирует:

– Давай уже, говори чего... – это Горелка.

– Раз вы остались, значит, ставлю всем «зачет» в команду, но с этого момента все будет не так, как вы привыкли... – я посмотрела в глаза каждому, сейчас я им подсуну водородную бомбу.

– Ну, понятно, новая метла по-новому метет! – Пенке тяжело меня слушать в принципе.

– Команда станет больше, желательно намного больше... – выдала я одним махом. Это главная заноза, они же «элита» лагеря, а я такая стерва, приравняю их к толпе!

– И на хрен нам это! – Бабочка меня вообще ненавидит

подстрочной ненавистью.

– Ну а вы что хотите? «Капустник» или «Кубок»? Конечно, я не могу гарантировать, что мы выиграем «Фестиваль», но поджилки будут трястись от каждого выступления – это я вам обещаю! Халявщиков выкину! – ну а как иначе, как я программу подготовлю, если они будут нос воротить? Конечно, надо договариваться, но свое право «принимать решения» я реализую сполна.

– Кто бы сомневался, давно ясно, что ты у нас «ведущая» стерва! – Горелка понимает, что последняя моя реплика была по ее душу, главная «лентяйка» у нас она.

– Ни хрена себе, крутышка! А я сомневался! – это Муха.

– Давно пора порвать местный стадион, а то только хоккеистам успех достается, так нечестно! – это Наташка.

– Значит так, с этой минуты никто ко мне с комментариями не лезет! Расходимся до вечера, – и я вышла, мне пора поработать.

Лучшее место думать без свидетелей это «методичка», это такая самая заброшенная комната за «библиотекой», в которой богато навалены старые папки, ненужные документы, какие-то альбомы, стоит лысеющий местами диван, много никому не нужных чистых листов, пожелтевших краями, и даже случайно сюда никто никогда не заходит. Уселась я на рыжегрязные подушки, придвинула низкий столик, разложила бумажки – каждому из прошлого состава пора отдать вариант сценария и набрать новую команду, для них тоже нуж-

но роли расписать! И времени на переписывание потратила немеряно, ну нет тут «копинок», и мне пришлось вручную три часа писать копии, а я все тороплюсь сделать их как можно больше. Пишу и сама себе удивляюсь, какая я лихая авантюристка, если бы не Меркулов и царедворские порядки в нашем лагере, то никогда бы мне не отбодать эту мою многосоставную идею у Викуши, а так я и спрашивать ее не буду, она сейчас даже не посмеет вмешиваться в мою программу!

Пришла я в столовую, когда столы были уже убраны, и обед закончился, но весь наш отряд торчит тут, и никто не хочет уходить, все возбуждены и удивлены моим решением взять в команду побольше желающих; накануне я объявила, что «сорок» участников это то, что нужно. Но сейчас мне хотелось только есть, нет, не есть, а жрать, я перекинула папку с ролями Наташке и бросилась к стойке, упрашивать поварешек дать мне хоть чего-нибудь съедобного. И, конечно, все девицы в колпаках за раздачей сделали вид, что меня просто нет, что я тут пустое место, а волки в животе скребут голодной тошнотой и завывают трубно в пустые внутренности. Куснуть кого из этих девиц, чтобы они поняли, что я настроена серьезно? Валиевский подошел ко мне подчеркнуто равнодушно, занял другую сторону стойки, мол, он никоим разом не со мной, и обратился к девице, которую он, конечно же, знает по имени:

– Валюша, тут дело есть, надо накормить нашего нового капитана, а то она до победы просто не дотянет, – он накло-

нился интимно к девице, а она вся зарозовелась.

– Ром, так это не ты что ли «капитан»? – и презрительно посмотрела на меня – как же я ей неприятна!

– Да, Валюша, согласен, «капитанши» все такие противные! – он старательно ей подыграл, и на стойке появилась тарелка жаркого, картошка с мясом горкой, в животе заурчало... Да по фигу на них! Даже если я молчу, я все равно «стерва»?! Схватила тарелку, села, а все ждут, когда же я дожую, но не выдержали:

– Ты спятила? Столько народу брать!? Охренела? Это что за дебилизм, я даже уже сомневаюсь, а стоит ли оставаться в команде!? – Пенке неймется.

– Мы как договорились? Не нравится – вали! Ребята, кто еще не в команде? Слушайте, нам нужен «голос», очень сильный «голос», у кого есть? Валевский не в счет, ищем «новую» звезду, ну и он свою «группу» не бросит ради нас, да, Ром? И это, спасибо тебе за Соню, за аранжировку, ну и все такое! Спасибо публичное! Ну и за жратву тоже! – я повернулась к Ваньке персонально. – Вань, ты мной гордишься? – я жевала и говорила, уж не до приличий, когда все ждут и в рот смотрят.

– А то!

Ванька гордится, я знаю.

– Короче, всех желающих работать в «команде», перед «выступлением» Валевского прошу в «актовый»! И Викуша нам ничего не запретит – лишь бы мы ей «Кубок» в зубах

принесли! – жую и решаю выдать небольшой несекретный секрет, чтобы дух командный сплотить, чтобы он уже вокруг моей идеи сам собирался и нарастал, чтобы никакие «поганки» не смогли мне идею своими капризами стухлить.

– Тут есть информация из первых рук, – вещаю отряду в надежде, что все они сейчас единым порывом спустятся вниз и запишутся в команду, – Антон Горленко вроде как в «союзную сборную» проходит, недалеко от Кракова пройдет «хоккейный матч» в то же время, когда и победители на «Фестиваль» приедут, то ли Викуша решила Антона в «НХЛ» тайком сдать, то ли вообще там остаться, не знаю... Но выехать «за кордон» Викуше надо позарез, а она «не выездная», вот только с нами ее и выпустят! Так что Викуше абсолютно по фигу все наши разборки, есть потенциал в «программе», так она нам только помогать будет, это я вам как команде рассказываю, по секрету... Так что мы можем любую идею реализовать, даже глобальную, прикиньте! – я осмотрела всех сидящих за длинным столом разом, ну да, кажется запишутся все, и вон какая польза от общения с Антоном вышла, он мне про этот «НХЛ» все уши просвистел, особенно про то, какие миллионы он собирается зарабатывать.

Неожиданно в столовку зашел Кира, он обошел весь отрядный шалман и уселся ко мне персонально, намеренно развернув свой стул в мою сторону. И опять все на меня пялятся! Интересно же, что происходит прямо у них на глазах! А Кира вел себя слишком однозначно, так ведет себя парень

со своей девушкой. Да я далеко продвинулась! И всего за один день!

– Поздравляю, услышал новость и пришел тебя поддержать, хотя и так все было понятно! Ты сегодня успеешь пойти со мной или у тебя репетиция? – он говорил это только мне, но слушали нас все.

– Конечно, успею! Выступление группы Валиевского в «актовом», так что репетиция только до восьми... – мое первое свидание я ни за что не пропущу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.